
П. Ю. ШАМАРО

ХИРОГРАФ КАК ТИП СРЕДНЕВЕКОВОГО ДОКУМЕНТА. ЕГО РАННИЕ ПРИМЕРЫ НА ЮГЕ ФРАНЦИИ

Начиная с XVIII в., со времени выхода в свет «De re diplomatica» Мабильона, в дипломатике устанавливается обычай обозначать словом «хирограф» особую форму письменного документа, который составлялся в нескольких экземплярах на одном листе пергамента, в промежуток между которыми вписывался «девиз». Этот девиз (во французской традиции обозначаемый равнозначным понятием «легенда») представлял собой надпись, которая могла состоять из определенного слова, сочетания слов или даже рисунка. После составления документа лист пергамента разрезался по середине этого девиза, так что стороны договора получали свои экземпляры грамоты с частью девиза и новое их сложение по месту разреза само по себе могло помочь установлению подлинности заключенного договора, если в будущем у сторон договора и их наследников возникли бы разногласия.

Отметим, что во французском и немецком языках помимо собственно термина *хирограф* для обозначения рассматриваемой формы документа существуют понятия, которые подчеркивают особенность его составления, а именно оформление нескольких экземпляров одного документа на одном листе пергамента и последующее их разделение особым образом — *une charte-partie* и *die Teilurkunde* соответственно. Английский термин *indenture* является даже еще более характерным, так как указывает не просто на составление нескольких экземпляров одного документа, но и на очень специфичный способ разделения девиза.

В соответствии со сложившейся традицией для обозначения рассматриваемого типа средневекового документа мы будем использовать термин *хирограф*, в античности, однако же, это понятие имело иное значение. В классическую эпоху под *хирографом* понималась

одна из форм письменного договора, которая была заимствована римлянами у греков. *Chirographa* и другая форма письменного договора — *синграфы* (*syngrapha*)¹ представляли собой два рода письменных актов, устанавливавших долговые обязательства частных лиц. *Синграфы*, получившие широкое распространение в конце республики, составлялись в третьем лице в присутствии свидетелей, которые подписывали документ вслед за должником². Согласно общим утверждениям историков римского права, в отличие от них хирографы, получившие распространение в императорский период, составлялись в первом лице и подписывались должником или же кредитором, если представляли собой расписку последнего в получении выплаченного долга. Хотя доказательная сила хирографа, заимствованного, по всей видимости, из эллинизированного Египта, была прежде всего обусловлена собственноручным письменным знаком должника, к этому документу на исходе античности стали прикладывать и печати свидетелей³. Наличие в позднеантичном хирографе единственной подписи должника, которая подтверждалась отпечатками печатей свидетелей, позволяет говорить, как мы увидим ниже, об отдаленном сходстве с ними средневековых хирографов. Но, с другой стороны, последние оказываются внешне по своей форме едва ли не более близки древним *синграфам*, которые составлялись в двух экземплярах — по одному для каждой из сторон⁴.

Надо, однако, сразу заметить, что по крайней мере в отношении рассматриваемых в статье южнофранцузских ранних хирографов вообще не приходится говорить о должнике и долговых обязательствах, хотя бы возникших просто в результате какого-либо правонарушения, как это было характерно для раннего средневековья. Наш материал свидетельствует, что в континентальной Европе XI–XII вв. хирографы служили документальному удостоверению договоров, которыми устанавливались новые правоотношения в соответствии с взаимными интересами сторон. Обычно такие договоры знамено-

¹ Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право. М., 2012. С. 400–401 ; Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2008. С. 562–563.

² Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право. С. 400. Однако, согласно С. А. Муромцеву, доказательная сила синграфа заключалась не в подписях, а в печатях свидетелей, приложенных к документу (*Муромцев С. А.* Гражданское право Древнего Рима. М., 1883. С. 298).

³ Муромцев С. А. Гражданское право ... С. 298 ; Trusen W. Chirographum und Teilurkunde im Mittelalter // Archivalische Zeitschrift. 1979. Bd. 75. S. 235.

⁴ Бартошек М. Римское право. М., 1989. С. 307 ; Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2008. С. 322.

вали собой прекращение имущественных споров. Нетрудно себе представить, что в определенном культурном кругу в силу чисто внешнего сходства понятие *chyrographum* было однажды применено к одному из сложившихся, скажем, у ирландцев и перенятых у них англосаксами способов документального оформления договоров, причем «девиз», по которому разделяли два экземпляра одного документа, представлялся указанием на былую подпись должника. Именно к этим выводам пришел в свое время Винфрид Трузен. Похоже, что изучение ранних южнофранцузских хирографов подтверждает основные наблюдения Трузена и позволяет проследить дальнейшую достаточно последовательную эволюцию средневекового хирографа.

Первые упоминания хирографа в раннесредневековой Ирландии и Англии

Родиной средневекового хирографа являются, несомненно, Британские острова, на что обратили внимание несколько видных исследователей⁵. Особенно богатый материал, а вместе с тем и интереснейшую реконструкцию первоначальной истории средневекового хирографа представил Трузен. Он отметил, в частности, что раннесредневековая Англия, в отличие от континентальной Европы, не знала форм документа, унаследованных от позднеантичных табеллионов, фиксировавших договоры частных лиц в особых регистрах, помимо этого, даже королевские дипломы первоначально не снабжались и печатями. В этих условиях важнейшим средством придания письменному документу силы подлинного удостоверения правового акта могли рассматриваться собственноручные знаки действующих лиц. Пожалуй, излишне при этом Трузен настаивает на сакральном значении креста, как основе доказательной силы таких знаков. Но не эти общие, пусть и верные, суждения автора представляют для нас настоящий интерес.

Трузен приводит ряд ярких свидетельств того, что архиепископ Кентерберийский Феодор (668–690 гг.), происходивший из киликийского Тарса в Малой Азии, и его сподвижник Адриан, тоже византийского происхождения, преподававший в соборной школе Кентербери, сыграли определяющую роль как в насаждении письменного документирования правовых актов в англосаксонской церкви, а вместе с тем и в институтах королевской власти, так и в самом введении

⁵ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd. 1. S. 669 ; *Redlich O.* Die Privaturkunden des Mittelalters. München ; Berlin, 1911. S. 97 ; *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde ... S. 236–249.

в широкий обиход англосаксонских клириков понятия *chirographum*⁶. Трузен указывает многочисленные примеры документов времени после Феодора и Адриана, где употреблено понятие *chirographum*, отмечая, правда, при этом, что среди них может оказаться немало частичных или полных подделок. Как бы то ни было, он считает возможным утверждать, что чаще названное понятие относится к документу в целом, но нередко оно обозначает особо подпись со знаком креста.

Поразительно то, что, по наблюдениям Трузена, еще чаще в документах англосаксонского периода, начиная со времени деятельности в Кентербери Феодора и Адриана, применяется понятие *syngrapha*. Однако, не представив сколько-нибудь детальный анализ собранных им примеров, Трузен выражает сильное сомнение в том, что за этим понятием стояли реальные примеры документов, выполненных в двух идентичных экземплярах, так как вообще в ранний период можно отметить лишь единичные свидетельства о документах, изготовленных в двух и более экземплярах⁷. Между тем, как мы увидим ниже, эту тему можно было бы еще развить.

Лишь с начала X в. Трузен отмечает появление подлинных документов, изготовленных в двух экземплярах на одном листе пергамена и разделенных по линии с надписью, причем чаще всего в виде слова *chirographum*⁸. Обычно так оформлялись англосаксонские копии латинских документов. По мнению Трузена, окончательно новая практика сложилась при содействии епископа Вустера Верфрида. Именно он является автором составленного на англосаксонском языке в 904 г. документа, в котором мы впервые встречаем слово *corographum* (*sic!*) в качестве разделенного девиза⁹.

В некоторых более ранних копиях, в отношении которых едва ли можно думать, что они были изготовлены в двух экземплярах, это слово могло предварять перечень оставивших свои знаки свидетелей или, как предположил Трузен, следовать за таким перечнем. Так, в документе 889 г. того же епископа Вустера Верфрида, воспроизводящем на англосаксонском латинский оригинал, где речь идет об отчуждении прав на землю в пользу его родственницы Кюнесвиты (*Cyneswith*), за диспозитивной частью текста непосредственно следует слово *CYROGRAPHUM*, а за ним — имена 22 подписавшихся персон.

⁶ *Trusen W. Chirographum und Teilurkunde ... S. 237–238. См.: Gray Birch, Walter de. Cartularium Saxonicum. London, 1885. P. 392, 411.*

⁷ *Trusen W. Chirographum und Teilurkunde ... S. 239–240.*

⁸ *Ibid. S. 244–245.*

⁹ *Gray Birch, Walter de. Cartularium Saxonicum. Nr. 609. P. 268 (S 1281).*

Трузен решил, что то же слово на линии раздела двух экземпляров в первых средневековых хирографах служило указанием на наличие в тексте хирографа собственноручных подписей и тем самым являлось важным средством подтверждения подлинности подписей, как и документа в целом¹⁰. Как мы увидим ниже, эта мысль находит новое подтверждение и в ранних южнофранцузских хирографах.

Нет, однако, оснований связывать целиком с англосаксами происхождение средневекового хирографа, хотя, разумеется, они, и особенно их греческие учителя, явно поспособствовали его утверждению. Есть три необыкновенно красноречивых и ранних ирландских свидетельства. Одно из них Трузен лишь упомянул, не приведя его и не указав на его собственно ирландское происхождение, а два других не раскрыл, как они того заслуживали. Первое содержится в латинском глоссарии *St. Gallen, Stiftsbibl., Cod. Sang. 912*, написанном в важнейшей колонии ирландских монахов на континенте, монастыре Боббио, недалеко от Павии, предположительно на рубеже VII–VIII вв., причем для глоссария были использованы листы рукописи V в. с выскобленным текстом¹¹. В глоссарии дано определение хирографа как документального обеспечения, написанного собственноручно: *Chirographum cautio prop<g>ia manu scripta* (р. 49, 12). Такое определение понятия «хирограф» не расходится с античным его значением, но особым образом выдвигает приложение руки того, кто брал на себя обязательство, к его написанию и во всяком случае к его заверке подписью.

Еще важнее два других свидетельства, которые Бишофф обнаружил в ирландских комментариях к евангельским текстам, содержащихся в мюнхенской рукописи середины IX в. *CLM 6235*, но восходящих к оригиналу, как считает Бишофф, первой половины VIII в.¹² Так, поясняя слово *chirographum* в Послании к Колоссянам апостола Павла (2:14), ирландский экзегет приводит всем знакомый пример из повседневной жизни: *Moris enim est cum hominibus, omne debitum scribere ad lineam scriptam, dividere enim (autem?) inter duos debitores, ne augeatur aut minuatur* (*CLM 6235, f. 24vb, 12–14*)¹³. Из этого выска-

¹⁰ Seitdem finden wir... das durchschnittene Wort «cyrographum» als Hinweis auf die eigenhändige Firmierung in der Originalurkunde, jetzt aber bereits zerschnitten als eigentliches Beglaubigungsmittel (Ibid.).

¹¹ См.: *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte des mittelalterlichen Chirographum // Idem. *Mittelalterliche Studien.* Stuttgart, 1966. Bd. I. S. 119.

¹² Ibid. S. 120. Cf. *Bischoff B.* Wendepunkte in der Geschichte der lateinischen Exegese im Frühmittelalter // *Sacris erudiri.* 1954. Vol. 6. S. 189–281, spec. 260–261, 266–268.

¹³ Cf. *Trusen W.* Chirographum und Teilurkunde ... S. 241.

звания с необходимостью следует, что у ирландцев, воспринявших латинскую образованность намного раньше англосаксов, было принято взаимные обязательства записывать в одну строку на полоске писчего материала и делить эту надпись на две части так, чтобы каждая сторона получила свою часть, причем, если принять во внимание пример из названного глоссария, такую запись могли воспринимать как собственноручную, хотя бы приложение собственной руки сторон и ограничивалось лишь начертанием креста.

Толкуя слово *cautio* в Евангелии от Луки (16:6), ирландский экзегет придает ему буквальное значение, которое оно получило у его грамотных соотечественников: *id est scriptionem liniae, quae scinditur et ideo cautio dicitur* (CLM 6235, f. 61ra, 7–8). Иными словами, он привязывает значение слова непосредственно к полоске с записью в одну строку, которая делилась между сторонами и тем самым могла служить обеспечением (*cautio*) целостности договора. С развитием делопроизводства названная строка, не теряя своего исходного значения, могла обрасти сверху и снизу более или менее пространственным текстом сходного содержания, расположенного параллельно ей либо перпендикулярно к ней. За полоской с текстом, однако, а вместе с тем и за документом, написанным в двух экземплярах, в целом сохранилось определение *chirographum*.

Распространение средневековой формы хирографа в Европе

На первоначальном этапе решающая роль в распространении новой формы документа в юридической практике континентальной Европы принадлежала высшим иерархам католической церкви тех областей, которые находились под сильным культурным англосаксонским влиянием. Первым примером является грамота Одберта, аббата монастыря Сен-Бертен, составленная в 944 г.¹⁴ Второй пример новой формы документа происходит из диоцеза Трира — речь идет о прекарии, который был составлен в 967 г. от лица епископа Трира Викфрида в пользу соборного капитула¹⁵.

Что касается современной территории Франции, то, вероятно, наиболее ранними примерами средневекового хирографа здесь являются грамоты епископов Туля (931 г.)¹⁶ и Меца (967 г.)¹⁷. Однако отсутствие вторых экземпляров и тот факт, что в этих документах нет

¹⁴ *Bischoff B.* Zur Frühgeschichte des mittelalterlichen Chirographum. S. 118.

¹⁵ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre ... S. 671.

¹⁶ URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte206/>

¹⁷ URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte216/>

специального девиза (линия разреза, если на самом деле перед нами хирографы, проходит по клаузулам, являющимся непосредственной частью текста), не позволяет причислить эти грамоты к хирографам с абсолютной уверенностью. Если же не принимать во внимание будущую область Трех Епископств, чья территория до XVI в. не входила в состав Французского королевства, то, судя по всему, наиболее ранним примером средневекового хирографа, не вызывающим сомнения, так как сохранились оба экземпляра, является документ 1013 г. из аббатства Св. Юниана в Пуату¹⁸.

В Италии средневековый хирограф не получил широкого распространения, однако и здесь он был известен: в XII столетии в генуэзских анналах дважды упоминаются *scripta per abecedarium divisa*, а в XIII в. упоминания о хирографах мы встречаем в Генуе, Пинероло, Съене, Мессине, Палермо¹⁹. Общее географическое распространение новой формы документа оказалось значительным — примеры средневековых хирографов мы встречаем даже в Норвегии и Венгрии²⁰.

Основные области распространения хирографа в Южной Франции

Образованные в культурных центрах Восточной Римской империи сподвижники Августина Кентерберийского († ок. 604), посланного Григорием Великим для христианизации Кента (597 г.), в Англии увидели полное отсутствие учреждений, которые могли бы удостоверить письменно оформленные правовые акты, и в их глазах единственным способом верификации письменных документов могли стать там, как уже было отмечено, лишь подписи, какие отличали позднеантичные хирографы. Выше мы попытались указать на следы раннего утверждения традиции составлять документы, именуемые хирографами, в двух экземплярах, выполненных на одном листе, который разрезался таким образом, что при сложении отдельных экземпляров можно было получить дополнительное подтверждение подлинности документа. Как бы то ни было, и на континенте первоначально характерной особенностью хирографов, пусть уже и в новом облике документов-дублетов, написанных на одном листе, оставалась подпись действующих лиц и тех, кто был привлечен ими в качестве поручителей и свидетелей. Правда, теперь она в основном получала вид буквы S, обозначающей

¹⁸ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte1189/>

¹⁹ *Bresslau H.* Handbuch der Urkundenlehre ... S. 674.

²⁰ *Redlich O.* Die Privaturkunden ... S. 99.

начало слова *signum*, и являлась преимущественно лишь имитацией подписи, так как основной корпус этой буквы выполнялся к тому же рукой того писца, который составлял основной текст документа. Этот обычай тем не менее свидетельствует об известной преемственности средневекового хирографа по отношению к хирографу эпохи эллинизма и поздней античности.

Наряду с имитацией этого рода мы встречаем и замену подписи простым знаком креста, начерченным, однако, рукой одного из основных действующих лиц, как в особых случаях практиковалось уже в поздней античности, если судить по равенским папирусам: подобная практика применялась тогда, когда лицо, которое должно было оставить свою подпись, не могло этого сделать ввиду неграмотности или болезни²¹. Но прежде чем обратиться к разбору конкретных примеров, скажем, на каком собственно материале мы основываем свои наблюдения.

Основной комплекс рассматриваемых нами хирографов относится к Пуату и Сентонжу. Его составляют грамоты монастырей Сен-Жуньен-де-Нуайе, Сен-Флоран, Сен-Жан д'Анжели, Сен-Николя, Сен-Мексен, Сен-Совер-де-Шарру, Сен-Лаон и капитула церкви Сен-Илер в Пуатье. Несколько отличную группу как по способу передачи исходного документального материала, так и по важным для нас структурным особенностям составляют хирографы, относящиеся к историческим провинциям Лангедок и Руссильон. Эта вторая группа представлена документами капитула церкви Свв. Назария и Цельсия в Безье, капитула церкви Св. Стефана в Агде и теми документами, которые составляют так называемый «Картулярий Руссильона», на деле являющийся искусственным собранием из 90 грамот. Наконец, нам представляется случай привлечь к нашему исследованию в качестве сравнительного материала и грамоты области Дофине, где располагался монастырь Сен-Руф. Что же касается важнейших центров документальной письменности других областей Южной Франции, то доступные нам в виде публикаций картулярии и сборники документов не дали столь многочисленных и показательных в определенном отношении примеров хирографов, в особенности это касается раннего периода. Так, мы не обнаружили хирографы в Гиени, Тулузене, Альбижуа, Лимузене, Оверни и Провансе. Хотя

²¹ Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 / von J.-O. Tjäder. Uppsala, 1955. Papyr. 16. 17–18 (S. 322): ...mano propria pr[o]pter ignorantia litterarum signum s(an)c(t)ae crucis feci; Ibid. Papyr. 20. 58–59 (S. 348): ...in qua subter propria manu pro ignorantia litterarum signum venerabilem s(an)c(t)ae crucis feci.

и не исключая самого факта применения документов такого типа и в этих областях, мы поневоле ограничили наше исследование примерами Пуату, Сентонжа, Лангедока и Руссильона.

При работе с опубликованными источниками мы вынуждены учитывать как то, что в XIX в. принятые правила публикации были менее строги, так и то, что часть документов дошла до нас в составе картуляриев или даже копий с ныне утерянных картуляриев, и мы не всегда можем точно представить, как был оформлен сам документ. Вместе с тем в отдельных случаях мы располагаем и цифровыми воспроизведениями дошедших в своем подлинном виде хирографов, и даже единичными доступными в наших отечественных хранилищах оригиналами XI–XII вв. Этот материал особенно ценен для нас. Все цифровые воспроизведения и другого рода факсимиле подлинных хирографов, хранящихся во Франции, оказываются доступными исследователю благодаря общему сайту, на котором представлены с той или иной степенью полноты все документы, которые можно датировать временем ранее 1121 г.²² Там мы обнаруживаем четыре грамоты, относящиеся к аббатству Св. Юниана, и четыре — к капитулу церкви Св. Илария в Пуатье. К счастью, эти восемь цифровых воспроизведений убеждают в добротности обстоятельных описаний тех же документов в старых изданиях XIX столетия.

Что касается оригиналов, то отметим, что в Западноевропейской секции Научного архива Санкт-Петербургского института истории хранятся два южнофранцузских хирографа XII в., относящиеся к современному региону Окситания — документ 1180 г. (карт. 326, № 16) и документ 1198 г. (карт. 326, № 4). Однако оба этих документа не скреплены подписями, так как составлены относительно поздно и являют собой уже следующий этап эволюции средневекового хирографа, заслуживая, таким образом, рассмотрения лишь в рамках изучения дальнейшей эволюции хирографов. Хирографом является и один из двух древнейших французских документов, содержащихся в том же архиве, а именно составленная в 1096 г. к северо-востоку от Парижа грамота епископа Мо (карт. 326, № 2). Снабженный подписями и печатью документ был опубликован в XVII в., а затем его текст был воспроизведен в издании 1912 г., когда во Франции оригинал уже

²² *Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France*, Cédric Giraud, Jean-Baptiste Renault et Benoît-Michel Tock, eds., Nancy: Centre de Médiévistique Jean Schneider; eds électronique: Orléans: Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010 (<http://www.cn-telma.fr/originaux/index/>).

считался утерянным²³. К Северной Франции относится и подлинный хирограф, составленный в 1163 г. в Пикардии (карт. 316, № 15).

Сокращение числа хирографов с указаниями на подписи по периодам

Среди южнофранцузских документов XI–XII вв. нам удалось обнаружить 75 хирографов. Из этого числа указания на подписи, выполненные тем или иным способом, имеют 36 (48 %). При этом если в начале рассматриваемого периода большинство хирографов было отмечено подписью или указанием на подпись, а их отсутствие в каждом конкретном случае можно объяснить особыми обстоятельствами, то к середине XII в. процент таких хирографов стал заметно сокращаться, а во второй половине этого столетия подпись или указание на подпись вообще перестали быть характерной чертой этого типа документа, отличавшегося теперь лишь тем, что он выполнялся в двух экземплярах на одном листе пергамента, который затем разрезался по линии с определенной надписью. Так, из 16 хирографов, которые относятся к XI в., 12 имеют указания на подписи, что составляет 75 %. Девять из 13 аквитанских хирографов имеют подписи, хотя бы в виде креста или указания на подпись, что составляет около 70 % от общего числа аквитанских документов, при этом три аквитанских документа этого периода, дошедшие до нас только в виде копий, не позволяют однозначно судить о том, были ли они скреплены подписью или нет, что составляет чуть более 23 %. Все три хирографа этого периода из Лангедока и Руссильона снабжены указаниями на подписи.

К первой половине XII в. относятся 24 хирографа, из которых 16 снабжены подписями, что составляет около 67 %. Правда, лишь половина хирографов из области Пуату, а именно пять из десяти, снабжены указаниями на подписи, но что касается Лангедока, то здесь указания на подписи содержат 11 хирографов из 14, т. е. около 79 %. Ко второй половине XII в. относятся 35 хирографов, из которых только 8 с подписями, что составляет менее 23 %.

Примеры из Пуату и Сентонжа XI в.

Из 12 обнаруженных нами хирографов XI в., снабженных подписями, девять происходят из исторических областей Пуату и Сентонж.

²³ *Monasterii regalis S. Martini de Campis Paris. Ordinis Cluniacensis historia libris sex partita* / P. M. Marrier. Parisiis, 1636. P. 527–528; *Recueil de chartes et documents de Saint-Martin-des Champs: monastère parisien* / ed. J. Depoin. Ligugé ; Paris, 1912. T. I. P. 108–110.

Наиболее ранние документы, скрепленные собственноручными знаками, мы встречаем в собрании аббатства Св. Юниана (примерно в 11 км к юго-юго-востоку от Пуатье, ныне Saint-Junien de Nouaillé-Maupertui). Примеры, которые относятся к этому монастырю, представляют для нас особый интерес, так как опубликованы их цифровые копии, что позволяет определеннее судить о знаках верификации, которыми они снабжены. Так, грамота, датируемая 1013 г.²⁴, дошла до нас в двух сохранившихся экземплярах, разделенных девизом † Signum †. В этом документе определены условия держания участков земли некой «знатнейшей дамой» Аделендис и ее сыном Porro (quedam nobilissima femina nomine Adelendis, et filius suus nomine Rorgo) от монастыря Св. Юниана. При этом сказано следующее: чтобы эта передача имела большую силу, аббат собственноручно подписал документ и передал его монахам для скрепления его их знаками (Ut autem haec manufirma plenior in Dei nomine obtineat firmitatem, manibus propriis subterfirmavimus et monachis ibidem Deo servientibus ad corroborandum tradidimus)²⁵. Далее следует запись о скреплении документа знаками монахов. Первой в документе идет подпись аббата (S. Constantini, abbatis, qui hanc manufirma fieri rogavit), за ней следуют подписи епископа Пуатье Гислеберга (S. Gisleberti, episcopi) и графа Пуату Гильома Великого (S. Willelmi, comitis), далее — подписи 20 монахов.

Слово signum в подписях сокращено до буквы S, которая всюду выписана одной и той же рукой. Но в этом и ряде других хирографов за каждой буквой S следует знак креста, который сливается с этой буквой так, что поперечная черта креста проходит на уровне строки. Это хорошо видно на воспроизведенном здесь фрагменте второго (нижнего) экземпляра хирографа, в отличие от первого (верхнего), исполненного более аккуратным почерком.

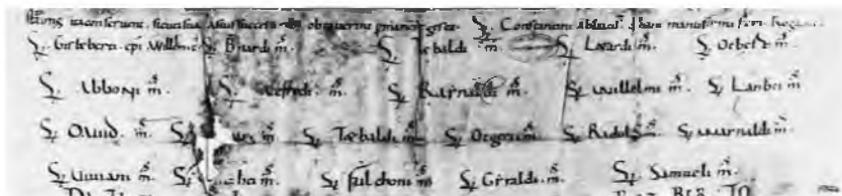

Рис. 1. Аббатство Св. Юниана, 1013 г.
Подписи из нижнего экземпляра хирографа

²⁴ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte1189/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé de 678 à 1200 / ed. P. de Monsabert. Poitiers, 1936 (далее: Chartes de l'abbaye de Nouaillé). Nr. 96, p. 159–161.

²⁵ Ibid. Nr. 96, p. 161.

Однако если сравнить этот экземпляр с другим, верхним, то мы заметим примечательное отличие не только в более беглом почерке, но и в том, что подписи аббата и епископа лишены вертикальной черты, которая должна была составить знак креста, примыкающий к букве S. Это позволяет предположить, что писцом изначально выписывались буквы S с горизонтальными черточками, как и следующие за ними имена, тогда как добавление вертикальной черты свидетельствовало о настоящем «приложении» своей руки тем лицом, подпись которого указана в документе.

Рис. 2. Аббатство Св. Юниана, 1013 г.
Подписи из верхней части хирографы

Наличие двух экземпляров позволяет предполагать, что, возможно, второй экземпляр вернулся к монахам после смены держателей. Или же документ не был оформлен до конца, о чем может свидетельствовать отсутствие собственноручных знаков самих держателей — Аделендис и Рорго. Уже подготовленный документ мог быть сохранен на тот случай, когда представители второй заинтересованной стороны, по тем или иным причинам не имевшие возможности скрепить документ, прибыли бы в монастырь. Помимо этого была возможна и такая ситуация, при которой Аделендис и Рорго пожелали иметь свой экземпляр документа, который и был составлен, однако цена, заявленная представителями монастыря Св. Юниана, оказалась слишком высока.

Собственноручные знаки присутствуют и в следующем по времени хирографе из собрания Св. Юниана (составлен между 1040 и 1078 гг.)²⁶. До нашего времени сохранился нижний экземпляр, девизом служила фраза *Concessum abbatis Nobiliacensis Ademaro*. Примечательно, что, как и в предыдущем случае, в качестве одной из сторон договора выступает представитель феодальной аристократии, которого аббат Св. Юниана именует «возлюбленный наш» Адемар, сеньор Шамбр (*karissimus noster Ademarus de Cameris*). В документе речь идет о двух подписях. Первой стоит подпись Петра, аббата монастыря Св. Юниана, причем объявление о собственноручном

²⁶ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte1243/> ; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 116, p. 189–191.

знаке составлено в форме первого лица: Ego Petrus abbas qui propria manu signum feci²⁷. Судя по письму, эту запись выполнил писец, составивший весь текст грамоты, аббат же начертил пентаграмму, которой и заканчивается подпись. Далее следует подпись монаха Вильгельма, живописца монастыря Св. Юниана. На этот раз запись сделана в третьем лице и завершается аккуратным знаком креста, начерченным, как мы полагаем, рукой самого монаха: Willelmi monachi pictoris (sic!) †²⁸.

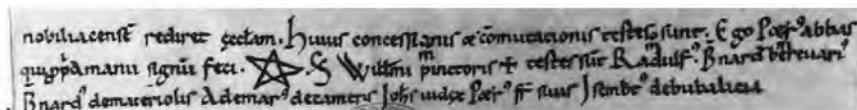

Рис. 3. Аббатство Св. Юниана, 1040–1078 гг.
Подписи из нижнего экземпляра хирографа

Собственноручный знак мы встречаем и в хирографе 1078 г. из того же аббатства²⁹. В грамоте сообщается о том, что Петр Самуэль по просьбе своего брата, Госцелина, сеньора Мортмер (Goscelinus de Mortemaro, совр. Mortemer), ушедшего в монастырь, уступил аббатству Св. Юниана участок земли в Феррабеф (terra de Faia Rathbodi, совр. Ferrabœuf). Подробно излагается, какие права Петр передал монастырю, а какие оставил за собой. Будучи, очевидно, важным служителем или покровителем монастыря, Петр оставил за собой право на получение половины церковной десятины с зерна (decima de annona) с вновь освоенной земли (terragium), как и от скота, который будет разводиться на подаренной земле. Оставил он за собой и половину от платежей и прав пользования, установленных обычаем в отношении названной земли, но полностью передал монахам монастыря право постоя, чтобы они получали цenz и другие символические платежи³⁰. Несмотря на неважное состояние грамоты, можно разобрать указание на то, что Петр скрепил ее своей подписью: «... manu mea firmavi». На правом поле грамоты, несколько ниже слов «Ego Petrus hanc cartulam... et manu mea firmavi...» мы видим знак креста, начерченный, очевидно, самим Петром Самуэлем. Все другие лица, имена которых называются далее, представлены лишь свидетелями обеих сторон договора.

²⁷ Ibid. Nr. 116, p. 190.

²⁸ Ibid. Nr. 116, p. 190.

²⁹ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte1237/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 148, p. 233–235.

³⁰ Ibid. Nr. 148, p. 234.

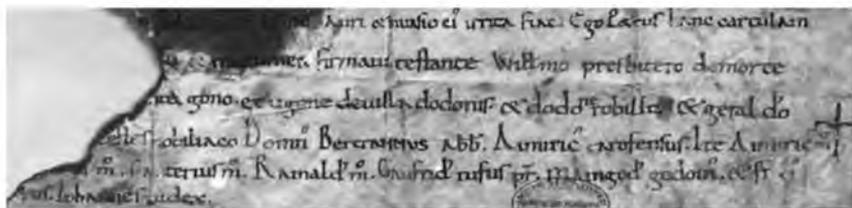

Рис. 4. Аббатство Св. Юниана, 1078 г.
Подпись Петра Самуэля из верхней части хирографа

Можно предположить, что монахи пожелали получить от крупного сеньора, являвшегося вассалом виконта Шательро, надежный знак верификации. Возможно, им не удалось, однако, указать неграмотному светскому сеньору точное место для его собственноручного знака.

Пожалуй, наиболее своеобразную картину представляет четвертый подлинный хирограф XI в. (датируется периодом между 1077 и 1092 гг.) из аббатства Св. Юниана. Девизом хирографа является фраза «*Facta est hec carta mense febroario*». Сохранились, подчеркнем, оба экземпляра документа³¹. В грамоте сообщается, что некий Энгелельм, сеньор Мортемер (*Engelelmus de Mortuo Mare*), передает в пользу обители Св. Юниана часть владельческих прав и отказывается от несправедливых, хотя и установленных обычаем, платежей аббатства в его пользу (*iniustas consuetudines*). Непосредственно от имени главного действующего лица в текст документа внесено заявление: чтобы договор оставался неизменным и твердым, он, Энгелельм, скрепил документ «своей рукой», а с ним и его супруга, Люция. Далее мы видим начало фразы о сыновьях Энгелельма, Энгелельме и Петре, которая, однако, осталась незаконченной: *Quod ut ratum et firmum maneret, ego Engelelmus manu propria firmavi et Lucia uxor mea, filii vero mei Engelelmus videlicet et Petrus*. Возможно, составитель грамоты не сумел найти нужные выражения для определения некоего обещания сыновей или обещания их отца за сыновей.

Вопреки заявлению, содержащемуся в ней, грамота не была скреплена рукой Энгелельма-отца и его жены Люции, нет в ней и собственноручных знаков трех свидетелей, названных далее³². Вместо этого мы видим подписи четырех поручителей, представленные в конце

³¹ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte1303/> ; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 140, p. 220–222.

³² Ibid. Nr. 140, p. 222: *Testes sunt hii: Stephanus de Cantoeem e duo filii sui.*

документа в виде перечеркнутых косой чертой прописных букв S: S. Gillelmi Ioscelini. S. Petri de Fan. S. Petri Abroti. S. Iterii de Torcaico.

Если статус первого и четвертого поручителей — Гиллельма и Итерия — остается для нас не ясным, то относительно двух других можно сказать нечто более определенное. Так, в документе, составленном в период между 1077 и 1091 гг., которым удостоверяется передача Энгелельмом из Мортемер имущественных прав в пользу монастыря Св. Юниана, мы видим указание на серию подписей, среди которых встречаем подпись опять-таки Петра из Фан (S. Petroni de Fau (sic!)) и подпись Петра по прозвищу Горемыка (S. Petroni Abroti)³³. В той же роли Петр из Фан выступает и в грамоте, составленной в конце XI или начале XII в. Этот документ удостоверяет передачу прав на десятину и на семью сервов, которую осуществил некий Гислеберт по прозвищу Бюфефок (Gislebertus Vufefoc) в пользу того же монастыря³⁴. Среди лиц, которые скрепили документ своей подписью, мы встречаем не только Петра из Фан (Petrus de Fan), но и Энгелельма из Мортемер (Ingelelmus de Mortemari), и допустимо думать, что в феодальной иерархии Петр из Фан занимал примерно столь же высокое положение, как и Энгелельм из Мортемер. Что касается Петра Горемыки, то он выступает среди свидетелей в еще одной грамоте, датируемой периодом между 1077 и 1091 гг.³⁵

Примечательно, что второй экземпляр рассматриваемого нами хирографа содержит еще одну букву S, за которой не идет ничего имени. Вероятно, в этом и кроется возможная причина того, что оба

³³ Ibid. Nr. 141, p. 223.

³⁴ URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1380/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 181, p. 286–287.

³⁵ URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1292/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 142, p. 223–226. Кроме того, грамотой 1087 г. удостоверяется передача имущественных прав, которую Петр Горемыка осуществил в пользу монастыря Св. Юниана перед тем, как отправиться на помощь христианам, воюющим с сарацинами (<http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1274/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 158, p. 250–252), а в 1090 г. Петр Горемыка передал аббатству Св. Юниана свои права на аллод (<http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1281/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 161, p. 256–257). В конце документа мы встречаем указание на то, что уже хорошо знакомый нам Энгелельм из Мортемер скрепил документ своей рукой и поставил знак креста: S. Engelelmi de Mortemari, qui manu propria firmavit et crucis signum imposuit. Указания на подпись Петра встречаются еще в двух документах, которыми удостоверяются договоры между Энгелельмом и аббатством Св. Юниана: это грамота, составленная между 1091 и 1096 гг. (<http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1313/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 163, p. 259–260), и грамота, составленная между 1091 и 1108 гг. (<http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1337/>; Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 165, p. 261–262).

экземпляра дошли до нашего времени — при оформлении документа отсутствовало какое-то лицо, чья подпись должна была следовать за подписями четырех лиц. Ввиду того что составление и написание документа по всем правилам требовало времени, нередко упускалась возможность личного его подтверждения всеми заинтересованными сторонами и свидетелями, о подписях которых сообщал составитель грамоты. Об этом свидетельствует немалое число грамот XII в. других типов, так и оставшихся не оформленными до конца³⁶.

В отличие от хирографов аббатства Св. Юниана, в двух хирографах церкви Св. Илария в Пуатье мы не находим явных следов рук тех лиц, о собственноручных знаках которых говорится в тексте документов. Они содержат договоры этого видного церковного центра с другими духовными учреждениями, расположенными на большом расстоянии от Пуатье, к тому же посредниками в этих договорах оказываются особы из других диоцезов. Понятно, что удостоверение подобных договоров по всем правилам было затруднено, и, как видно, в капитуле Св. Илария уже в XI в. прочно утвердилась традиция полной имитации подписей.

В обоих документах содержатся целые серии подписей, но каждая из них заключается, собственно, в слове *signum*, сокращенном до прописной буквы S, перечеркнутой характерным штрихом. Выполнены эти подписи, однако, рукой составителя документа. Подобные знаки, по сути являющиеся лишь имитацией собственноручной подписи, сопровождаются именем заинтересованного лица в родительном падеже. Первый документ, девизом которого является надпись XPS VINCIT : XPS REGNAT : XPS IMPERAT в верхней его части (т. е. сам он некогда представлял собой нижерасположенный экземпляр хирографа), составлен в 1080 г. и удостоверяет договор между канониками капитула Св. Илария и «некими» уставными канониками (*quidam fratres religiosius et communiter vivere volentes*), в пользу которых первые уступают права на бургундскую церковь Св. Лаврентия в Лонгре (*Longum Rete, Longrets*) и зависимые от нее земли³⁷. Документ не содержит каких-либо упоминаний о подписях второй стороны, зато включает подписи двух поручителей, лиц более высокого ранга: епископа

³⁶ Ср.: *Мажуга В. И.* Древнейшие грамоты епископов и князей Св. Римской империи в собрании Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории // ВИД. 2000. Вып. 27. С. 288.

³⁷ URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1253/> ; Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers / ed. L. Rédet // Mémoires de la société des antiquaires de l'Ouest. Poitiers; Paris, 1848 (далее: Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers). Nr. 94, p. 102–103.

Пуатье Иземберта и герцога Аквитанского Гильома VIII (S. Isemberti Pictavensis episcopi. S. Guillelmi Aquitanorum ducis)³⁸. Далее, после особого вступления, идет указание на подпись Госцелина, архиепископа Бордо (1060–1086), который одновременно сохранял за собой ранее полученное звание каноника и казначея капитула Св. Илария в Пуатье, и четырех других ведущих каноников той же церкви³⁹. Завершает текст грамоты список каноников-свидетелей, среди которых представлен и каноник, управляющий усадьбой (curtis), где находится церковь Св. Лаврентия. Относительно имитации подписей высоких особ можно высказать предположение, что именно ввиду высокого их положения не было необходимости в особо надежном удостоверении грамоты; к тому же, как следует из ее текста, община каноников при церкви Св. Лаврентия получала статус приората того же капитула Св. Илария, а ее приор — звание каноника этого капитула.

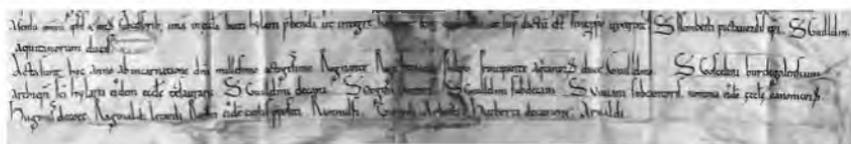

Рис. 5. Капитул Сент-Илер в Пуатье, 1080 г.
Заключительная часть хирографа

Второй документ, составленный в 1092 г. (сохранившийся оригинал содержит верхнюю часть девиза SANCTUS HILARIUS и соответственно представляет собой экземпляр хирографа, располагавшийся выше), содержит договор между канониками капитула церкви Св. Илария и монахами прославленного турецкого монастыря Мармутье⁴⁰. В грамоте объявлено, что она была скреплена собственноручно казначеем Гвиллельмом и деканом капитула и их собратьями, с одной стороны, и аббатом Мармутье, Бернардом, с братьями, а затем они передали ее подчиненным им лицам, с тем чтобы те скрепили ее своими знаками: nos et abbas prefatus et confratres nostri propriis manibus confirmavimus (institutionis paginam), confirmatam quoque personis subpositis ad confirmandum tradidimus⁴¹. В дальнейшем

³⁸ Ibid. Nr. 94, p. 103.

³⁹ Ibid. Nr. 94, p. 103: S. Goscelini Burdegalensium archiepiscopi, sancti Hylarii ejusdem ecclesie thesaurarii. S. Guillelmi decani. S. Otgisii cantoris. S. Guillelmi subdecani. S. Viviani subcantoris.

⁴⁰ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte1030/> ; Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 99, p. 108–109.

⁴¹ Ibid. Nr. 99, p. 109.

поименном перечне подписей, однако, мы наблюдаем совсем иной порядок. Сначала названы упомянутые казначей и декан, затем другие каноники капитула Св. Илария, далее имена связанных с ними светских лиц, и лишь в последней части перечня представлен аббат Бернард и его братья. Вероятно, вопреки заявленной строгой субординации составителю грамоты было удобнее объявить о знаках этих лиц в соответствии с готовыми списками имен. Всего мы видим перечень из 20 подписей каноников, пяти подписей мирян и 13 подписей монахов, среди которых мы встречаем не только аббата, но и приора, субприора и некоего Хельгода, названного по неизвестным нам причинам епископом (S. Bernardi abbatis, S. Bernardi prioris, S. Bernardi subprioris, S. Helgodi episcopi...).

Как и в предыдущем документе, слово *signum* обозначено в грамоте одной буквой S с характерным косым штрихом поперек нее. Особенностью этого документа можно считать то, что сама буква S состоит из значительно более жирных штрихов, нежели косая черта, которая ее пересекает. К сожалению, мы не обнаруживаем каких-либо признаков того, что в сохранившейся части хирографа кто-либо из названных лиц действительно оставил след собственной руки в начертании подписи. Очевидно, ввиду почти полной невозможности собрать вместе надолго братию двух далеко отстоящих одна от другой обителей было решено удовлетвориться имитацией подписей с согласия названных в грамоте лиц, а для удостоверения документа сочли достаточным написание двух экземпляров грамоты на одном листе с девизом, по которому прошел разрез.

Рассматриваемые далее документы доступны нам только в печатных изданиях и позволяют лишь фрагментарно или приблизительно судить о форме подписи или ее имитации, как и о том, каким образом был разрезан лист пергамена, что именно служило девизом хирографа. Однако эти примеры все же составляют для нас существенное дополнение к рассмотренным выше, так как обнаруживают определенное сходство с последними, а главное, позволяют продолжить рассмотрение важного вопроса о том, кто, по мысли составителей документов, мог скреплять хирограф своей подписью.

Прежде всего упомянем еще один документ из Пуатье, относящийся к более раннему периоду, нежели два только что рассмотренных хирографа. Грамота из картулярия коллегиальной церкви Св. Николая датируется временем ок. 1062 г. Герцог Аквитании Гильом VIII подтверждает этим документом передачу значительных прав в пользу недавно основанной капитульной церкви Св. Николая, которую совершили его мать, Агнеса Бургундская, и его брат, герцог

Аквитании Гильом VII (1039–1058 гг.)⁴². Дабы имущество капитула, получившего статус приората, и сами каноники не были потревожены в будущем, герцог вверяет их опеке папы римского и каноников Собора Святого Петра: *quatenus sub domini pape et canonicorum Romane ecclesie Beati Petri tutele semper subsistant*⁴³. В качестве вознаграждения за защиту каноники Св. Николая обязаны выплачивать каноникам Собора Святого Петра ежегодный ценз в размере 10 солидов. В тексте грамоты прямо сообщается о том, что герцог позаботился, чтобы договор был со всей силою скреплен в признанной форме хирографа, причем чтобы во свидетельство совершенного одна часть разрезанной грамоты находилась у каноников Св. Петра, а второй владели бы каноники Св. Николая: *Nos autem totum sub hujus cirographi auctoritate obnix firmare procuravi, uti testimonii gracia alteram hujus carte scisse partem Romani canonici Sancti Petri, alteram vero habeant Pictavenses canonici Sancti Nicholai*⁴⁴. В документе нет знаков каноников Св. Петра или Св. Николая, зато в конце документа мы встречаем длинный перечень местных магнатов, которые якобы оставили свои подписи, исполненные в виде сокращенного до одной буквы S слова *signum* и следующего за ним имени в родительном падеже. О них сказано, что таким образом они означены (*subsignati*) в качестве свидетелей (*testes*) вновь установленных правоотношений (*hujus constitucionis*). Мы видим среди них не только самого герцога, но и епископа Пуатье Иземберта, мать герцога Агнес, графа Альдеберта, виконта Уго, Гуго де Лузиньяна (вероятно, Гуго Дьявола), виконта Саварика⁴⁵.

Два других примера мы находим среди документов видного аббатства Сен-Жан д'Анжели, располагавшегося в исторической области Сентонж к юго-западу от Пуатье на расстоянии более 100 км (по отношению к городу Сент аббатство располагалось к северо-северо-востоку на расстоянии примерно в 28 км). Хирографы этого монастыря отличаются детальным описанием цели и способа написания документа в форме хирографа. Похоже, что в названном монастыре

⁴² Cartulaire du prieuré de Saint-Nicolas de Poitiers / Ed. L. Rédet // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1872. T. 1. Nr. 5, p. 12–14.

⁴³ Ibid. Nr. 5, p. 13.

⁴⁴ Ibid. Nr. 5, p. 13.

⁴⁵ Ibid. Nr. 5, p. 14: *Testes sunt hujus constitucionis ipse comes, qui firmavit eam, et omnes qui subsignati sunt. S. Ysemberti episcopi. S. Agnetis, matris hujus comitis. S. Aldenerti comitis. S. Hugonis vicecomitis. S. Hugonis de Liziniaco. S. Savarici vicecomitis et fratris ejus. S. Engelelmi. S. Petri de Briderio. S. Tetbaldi. S. Stephani. S. Guidonis. S. Arnaldi. S. Caloni.*

применение документов этого типа еще не стало столь тривиальным, как в Пуатье, и во всяком случае в формуляре хирографов здесь находило выражение особое отношение составителей первых хирографов к этому типу документов.

Хирограф, составленный около 1080 г., содержит договор между Оддоном, аббатом названного монастыря, и Летерием, сеньором Испаниола (Leterius de Spaniola). Договором определялись права на аллод, дарованный монастырю племянником Летерия, Адаймаром, с ущербом для Летерия, что вызвало его возражения⁴⁶. Летерий ради спасения своей души и душ близких полностью отказался от притязаний на аллод, но ряд связанных с аллодом владельческих прав был примерно поровну разделен между Летерием с его семьей и монастырем. В документе указано как на отдельный пункт договора, что для монастыря будет написан второй экземпляр грамоты, такой же, какой унесет с собой Летерий: *Nos etiam tunc statutum est, ut fieret altera carta contra hanc quam secum deferret Laeterius*. Чтобы придать особую силу договору, по принятому в тех местах обычаю, Летерий возложил на алтарь Св. Иоанна лист пергамента, на котором должен был быть записан текст договора, причем в документе поименно перечислены свидетели совершенного Летерием: *Deinde firmavit prædictus Læterius hoc pactum, ponens istud pergamenum, in autoritate (sic!) hujus rei, super altare santi Joannis, astantibus istis testibus...*⁴⁷ Не исключено, что, прежде чем возложить пергамен на алтарь, Летерий начертил на краю листа крест, как это опять-таки было принято в монастыре Сен-Жан д'Анжели. Затем Летерий вновь прибыл в монастырь вместе со своей супругой Петронилой, и теперь они оба собственноручно скрепили то же дарение за своих сыновей и дочерей, чтобы они не могли что-либо потребовать сверх того, что записано в грамоте: *Postea venit Læterius, cum sua uxore Petronilla, ad Sanctum Joannem, et firmaverunt supradictum donum, loco filiorum ac filiarum suorum, ut nihil possint requirere præter pactionem quæ in charta scribitur*⁴⁸. Далее в издании грамоты следует указание на ряд подписей, которые, насколько можно судить, были выполнены тем же образом, что и в рассмотренных нами выше документах Св. Юниана и Св. Илария: за сокращенным до первой буквы словом *signum* всякий раз следовало имя в родительном падеже (самого Летерия, Петра, Айма-

⁴⁶ Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. I / ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris ; Saintes, 1901. T. XXX (далее: Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. I). Nr. 77, p. 104–106.

⁴⁷ Ibid. Nr. 77, p. 105.

⁴⁸ Ibid. Nr. 77, p. 105.

рика, Константина, Петрониллы, Валерии, Гислеберги, Вавилонии и Милессенды)⁴⁹. Вероятно, Петр, Аймерик и Константин являлись сыновьями Летерия и Петрониллы, а Валерия, Гислеберга, Вавилония и Милессенда — дочерьми. В заключение отмечается, что во избежание того, чтобы в будущем в одной грамоте не оказалось какого-либо намеренного искажения по отношению к другой, они разделяются одна в отношении другой по одной записи, так чтобы в грамоте монастыря был ее конец, в грамоте Летерия — начало: *Ne falsitus (falsitas?) possit intermitti inter hanc cartam et illam quam habet Læterius, uno ab invicensi quo signo (uno ad invicem signo?) dividuntur, cujus hæc habet finem, illa principium*)⁵⁰. Очевидно, в отличие от рассмотренных выше хирографов, запись, о которой идет речь, здесь располагалась не вдоль линии раздела двух экземпляров, а поперек нее.

Иной порядок действий с не разделенным еще листом пергамента представлен в хирографе, написанном ок. 1094 г. и дошедшем до нас в виде копии в картулярии⁵¹. Чтобы оценить описанные в нем способы документального удостоверения договора, представим основных действующих лиц и их соглашение по предмету спора. Гауфред Аркембальди (*Gaufredus Archembaldi*) передал обители Сен-Жан свой аллод (*alodium suum*) в местечке Понтильс (*Pontils*, совр. *Le Pontieux*), после чего он и монахи построили на этом участке мельницу. Однако это вызвало недовольство Константина Арнальди (*Constantinus Arnaldi*), который заявил, что новая мельница наносит ущерб его делам со старой мельницей, устроенной в усадьбе, которую он держал от того же Гауфреда⁵². Стороны пришли к соглашению, согласно которому половина прав на мельницу должна принадлежать Константину Арнальди, а другая половина — Гауфреду и монахам. Права на земли, поля и леса, которые Константин Арнальди держал от Гауфреда, делятся между монастырем Сен-Жан и Гауфредом с тем условием, что, если когда-нибудь Константин станет оспаривать законные права монастыря или Гауфреда, права на мельницу перейдут монахам до тех пор, пока Константин не возместит нанесенный ущерб⁵³. Свое согласие с этими условиями Константин

⁴⁹ *Ibid.* Nr. 77, p. 105: *S. Laterii (=Leterii). S. Petri. S. Aimerici. S. Constantini. S. Petronillæ. S. Valeris (=Valerie). S. Gisleberis. S. Babylonix. S. Milescentis.*

⁵⁰ *Ibid.* Nr. 77, p. 105–106.

⁵¹ *Ibid.* Nr. 234, p. 289–290.

⁵² *Ibid.* Nr. 234, p. 290: ...*quo (sic!) ædificata, Constantinus Arnaldi egretulit, dicens illud novum molendinum esse contrarium suo veteri molendino quod habebat in casamenta (=casamento), quod tenebat de ipso Gaufrido Archembaldi.*

⁵³ *Ibid.* Nr. 234, p. 290.

выразил в собрании капитула под рукой приора Петра и возложив лист пергамена, уже заполненный текстом обеих частей хирографа, на алтарь Св. Иоанна: *Sciendum est quod sepedictus Constantinus Arnaldi annuit, in capitulo, omnia suprascripta, in manu Petri, prioris, per hoc pargamenum quod posuit super altare sancti Joannis, unacum altera carta jampridem inde facta.* Он же единственный, если верить копии хирографа, оставил подпись в конце документа в обычной форме сокращенного написания слова *signum* в виде прописной S (*S. Consantini*). Естественно предположить, что символические действия с пергаменом, уже заполненным текстом хирографа, должны были сопровождаться и приложением руки Константина к подписи, пусть и выполненной большей частью рукой составителя грамоты. Подпись от человека, учинившего спор с монастырем, получала здесь особый вес. Составитель грамоты не преминул отметить, что Константину была дана грамота, подобная настоящей и отделенная от нее: *Dataque est sibi carta æqualiter (equalis?) huic et ab ista partita.* Как мы видим, оба рассмотренных здесь хирографа монастыря Сен-Жан д'Анжели оставляют впечатление, что изготовление хирографов, как и выдача дубликата грамоты светским лицам, рассматривалось монахами этой обители в XI в. как дело в известном смысле новое и отнюдь не рутинное.

Примеры из Пуату первой половины XII в.

В первой половине XII в., как было отмечено выше, процент хирографов, как скрепленных собственноручной подписью, так и представляющих ее имитацию или же содержащих знак креста, оставался достаточно значительным: мы обнаружили 16 таких документов среди 24 известных нам южнофранцузских хирографов этого периода, что составляет 66,67 % от общего числа. Однако в Пуату этот процент оказывается значительно ниже. Лишь пять из 10 хирографов этой области снабжены указаниями на подписи, тогда как в Лангедоке, как мы помним, подписями отмечены 11 хирографов из 14 (78,57 %).

Хирограф 1102 г. из знакомого нам уже капитула церкви Св. Илария в Пуатье оформлен в традициях этого видного духовного учреждения⁵⁴. В качестве девиза хирографа на этот раз было избрано слово *CONVENTIO*. Содержание документа составляет договор между Адемаром Бодо (*Ademarus Baudoz*) и капитулом Св. Илария. Адемар возвращает каноникам половину имущества, которым, как сказано

⁵⁴ URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/charte1327/> ; Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 107, p. 118–119.

в грамоте, противоправно владели его родители, а за другую половину того же имущества обязуется приносить оммаж специально назначенному канонику. В документе мы уже не встречаем указаний на подписи, выполненные непосредственно заинтересованными сторонами договора, однако после изложения содержания достигнутого соглашения в тексте сказано буквально следующее: «заклучение этого соглашения наблюдали те, чьи имена названы ниже» (Hanc ergo conventionem illi viderunt quorum nomina subtitulata sunt)⁵⁵. Далее следует список из 12 имен в родительном падеже, каждое предваряемое заглавной буквой S (signum), которая перечеркнута по диагонали характерным штрихом⁵⁶.

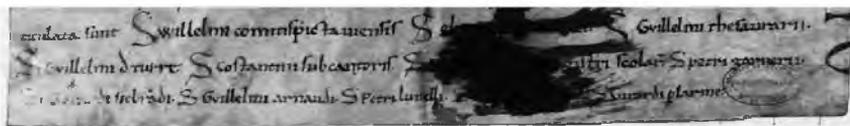

Рис. 6. Капитул церкви Св. Илария в Пуатье, 1102 г.
Заключительная часть хирографа

Якобы собственноручный знак здесь выполнен одной рукой — таким образом, рассматриваемый хирограф может служить лишним подтверждением того, что в названном капитуле уже к концу XI в. (см. с. 51–53) настоящая подпись в каком бы то ни было виде была заменена чистой ее имитацией. Вместе с тем хирограф 1102 г. наглядно показывает, что такая имитация с течением времени начинала играть роль рутинного дополнения к списку свидетелей, который в наибольшей степени и обеспечивал возможную защиту целостности договора.

Однако за пределами Пуатье, в более консервативных центрах, наряду с имитацией подписей в XII в. продолжала существовать и традиция начертания собственноручного знака в виде креста, которую мы отметили в двух хирографах аббатства Св. Юниана (рис. 3, 4). В нашем распоряжении имеется хирограф, датированный 1121 г., из собрания документов аббатства Св. Максенция, располагавшегося примерно в 50 км к юго-западу от Пуатье⁵⁷. Несмотря на то

⁵⁵ Ibid. Nr. 107, p. 119.

⁵⁶ Ibid. Nr. 107, p. 119: S. Willelmi comitis Pictavensis. S. Ebonis Parteniaci. S. Guillelmi thesaurarii. S. Guillelmi de Turre. S. Costantini subcantoris. S. Salomonis magistri scholarum. S. Petri Garnerii. S. Gerardi Siebrandi. S. Guillelmi Arnaudi. S. Petri Lunelli. S. Guillelmi Samsonis. S. Girardi Perlarme.

⁵⁷ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / ed. A. Richard // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1886. T. 16 (далее: Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent). Nr. 273, p. 300–301.

что, по словам издателя XIX в., на 1886 г. оба экземпляра хирографа были в наличии, один — в Архиве департамента Де-Севр, второй — в библиотеке Пуатье⁵⁸, нам не удалось обнаружить воспроизведение этих оригиналов на современном сайте французских документов, датированных периодом до 1121 г. и хранящихся во Франции⁵⁹. Грамотой удостоверяется полюбовное решение спора между аббатом и двумя крестьянами, претендовавшими на землю при усадьбе Гасконелле (Gasconille), в силу которого крестьяне Франкон и Гиральд получили ее во владение на правах испольщины (*tradidi duobus rusticis Franconi et Guiraudoin meiteriam*), а к ней в придачу двух быков, двух ослов и 40 овец. В конце документа мы видим список условных подписей, выполненных в виде слова *signum*, сокращенного до первой буквы, и следующего за ним имени в родительном падеже⁶⁰. В самом конце документа издатель воспроизводит два креста со следующими за ними именами, причем то имя, которое написано полностью, получает здесь форму номинатива: † Franc. † Giraudus. В примечании издатель особо указывает, что кресты начертаны руками самих крестьян⁶¹. Даже не видя оригиналов, нетрудно предположить, что речь идет о той самой традиции собственноручно чертить большие кресты на краю листа пергамента, обычно внизу, которую помимо упомянутого уже здесь примера в хирографе 1078 г. аббатства Св. Юниана (рис. 4) мы имели возможность рассмотреть и на примере двух грамот того же монастыря Св. Максенция, составленных всего лишь на семь лет раньше (в 1114 г.) и ныне хранящихся в Архиве СПБ ИИ РАН⁶².

В грамотах аббатства Св. Юниана, как мы видели выше, собственноручные знаки наиболее важных действующих лиц, крест или пентаграмма, следуют за развернутым сообщением от самого этого действующего лица о скреплении грамоты его знаком (рис. 3 и 4). Подобные формулы в первом лице, сопровождаемые собственноручным знаком, по сути дела, восходили еще к позднеантичным традициям, и для нас они представляют особый интерес. К примеру, в гра-

⁵⁸ Ibid. Nr. 273, p. 300: Orig., chirographe, dont les deux exemplaires se trouvent, l'un aux archives de Deux-Sèvres, N. 99, l'autre à la bibliothèque de Poitiers, n 10.

⁵⁹ *Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France* (<http://www.cn-telma.fr/originals/index/>).

⁶⁰ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent. Nr. 273, p. 300: S. domni Goffredi abbatis. S. prioris. S. Hugonis, et multorum aliorum. S. Radulfi Bisardi. S. Goscelmi Marscal. S. Petri Garnaldi. S. Bernerii.

⁶¹ Ibid. P. 300: Les croix qui précèdent les souscriptions sont autographes.

⁶² *Шамаро П. Ю.* Грамоты монастыря Св. Максенция в архиве СПб ИИ РАН // СВ. 2011, 72. С. 256–279.

моте 1078 г. названного аббатства наряду с такой формулой впервые в составе девиза, по которому разделялись два экземпляра хирографа, мы встречаем слово *Cirographum* (sic!) (рис. 4). Пример с такого рода формулой мы находим и в хирографе 1121 г. аббатства Св. Флоренция близ Сомюра, которое располагалось примерно в 100 км от названного аббатства в северо-западном направлении. Заметим только, что здесь знак креста предваряет соответствующую формулу.

Содержание хирографа составляет договор между монахами этой обители и канониками церкви Св. Креста в Лудене (*Laudunum*), в северо-восточных пределах Пуату, где находился укрепленный замок, как следует из другого хирографа того же монастыря, описавшего события примерно 1021 г. (см. ниже с. 61–62)⁶³. Хирограф скреплен подписью Стефана, аббата монастыря Св. Флоренция, состоящей из знака креста и заявления от первого лица о том, что это он, аббат Стефан, оставил подпись: † *Ego Stephanus abbas propria manu subscripsi*⁶⁴. Издатель картулярия, работавший с оригиналом грамоты, отмечает в примечании, что подпись носит собственноручный характер (*avec signature autographe*).

По-видимому, собственноручный знак креста, предваряющий обычную запись с сокращенным до одной буквы S словом *signum* и следующим за ним указанием имени и сана, содержался в хирографе капитула Св. Илария, составленном ок. 1135 г. и опубликованном Луи Реде в издании документов капитула. В хирографе засвидетельствовано соглашение между Гвилельмом, деканом Св. Илария, и неким Брикционом (*Briccio*) по поводу сеньориальных прав на печи для выпечки хлеба⁶⁵. Соглашением с участием графа (очевидно, речь идет о графе Пуатье Гильоме VIII) было установлено, что Брикцион получает треть доходов от новой печи и треть от старой, если последняя будет восстановлена, за что он должен принести клятву верности декану каноников и взять на себя все расходы по обслуживанию печи. Девизом этого хирографа служили буквы алфавита, что нехарактерно для хирографов Св. Илария, зато очень часто встречается на Юге Франции. Завершается хирограф подписью важного посредника, в качестве которого выступает Эдигий, кардинал-епископ субурбиканной епархии Тускула: † *S. Edigii Tusculani episcopi*. Высокопоставленный посредник, знавший строгие правила папского делопроизводства,

⁶³ Chartes poitevines de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur / ed. P. A. Marchegay // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1873. Т. 2 (далее: Chartes de l'abbaye de Saint-Florent). Nr. 18, p. 29–31.

⁶⁴ Ibid. Nr. 18, p. 31.

⁶⁵ Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 117, p. 131–132.

не преминул, как мы видим, предварить запись о своей подписи собственноручным знаком. Можно думать, что все подобные записи, начинающиеся сокращенным написанием слова *signum*, предполагали начертание крестов и иных личных знаков, о настоящем включении которых, однако, в текст документа заинтересованные лица обычно мало заботились, считая их рутинной данью традиции.

Следующий пример, где мы встречаем сообщение о собственноручной подписи от лица, приложившего свою руку к документу, нас возвращает к документам капитула Св. Илария в Пуатье, где мы подобных формул до сих пор не встречали. Важно, однако, отметить, что интересующая нас фраза вложена в уста важного посредника в решении спора, который возглавлял один из виднейших французских диоцезов. Хирографом 1136 г. засвидетельствовано «сердечное согласие», которое установили между собой каноники капитула Св. Илария и монахи монастыря Девы Марии в Лез Алье (de Allodiis, ныне Alleuds, примерно в 60 км к юго-западу от Пуатье)⁶⁶. Согласие заключалось в полюбовном разделе спорного имущества в местности Моро (Morellus, ныне Moreau, деп. Вьенна). Примечательно то, что в хирографе, который был разделен между двумя сторонами по девизу, определенному в тексте грамоты понятием *cyrographum*, говорится лишь о подписи посредника, епископа Шартрского Гауфрида, легата св. Престола, причем дважды, так что у читающего документ не остается сомнений в том, что он оставил-таки какой-то собственноручный знак: Et ut hæc concordia firma perhempniter et rata perseveret, scriptum hoc sigillo nostro roboravimus et manu propria in eodem subscripsimus⁶⁷. Ниже, после перечисления свидетелей, как можно думать, со стороны монастыря Девы Марии и перед списком присутствовавших при заключении договора каноников, в документе еще раз указано: Ego Gaufridus, Carnotensis episcopus, apostolicae sedis legatus, subscripsi.

Хирографы из Пуату и Сентонжа без явных указаний на подписи

В отношении документов XI в. только в одном случае с большим или меньшим основанием можно предполагать, что он не содержал ни собственноручных подписей или знаков, ни их имитации. К тому же и сама датировка документа этим столетием оставляет некоторые вопросы. Речь о хирографе из собрания грамот упомянутого аббатства Св. Флоренция близ Сомюра. Грамота представляет собой под-

⁶⁶ Ibid. Nr. 118, p. 132–134.

⁶⁷ Ibid. Nr. 118, p. 134.

тверждение ранее засвидетельствованного договора, причем трудно решить, было ли оно засвидетельствовано именно письменным документом⁶⁸. Поль Маршге, издавший документы аббатства в XIX в., полагал даже, что по характеру письма этот хирограф был записан как минимум через столетие после фиксируемых им событий, которые издатель относил к периоду ок. 1020 г. Но, исходя из имеющихся у нас сведений, будет осторожнее датировать документ XI столетием. Хирограф, где девизом, по которому были разделены два его экземпляра, служило слово *CIROGRAPHUM*, удостоверяет учреждение капитула каноников при церкви Девы Марии и Св. Леодегария в замке Lausdanum (совр. Loudun), располагавшемся в северо-восточных пределах Пуату, и передачу этому капитулу самого здания церкви, к тому времени перестроенного силами трех священников, пожелавших составить капитул. Тем же договором с владельцем церкви, Альбериком, сеньором Монжан (Albericus Monte Joannis, совр. Montjean), уступившем церковь вновь учрежденному капитулу, устанавливалось, что каждый из каноников должен обеспечить получение пребенды в 20 солидов своему преемнику, назначаемому из числа ближайших родственников каноника. Несмотря на то что в тексте грамоты указано, что граф Анжуйский Фульк III Нерра, а равно и прочие сеньоры, некоторым образом скрепили договор, конкретных указаний на подписи мы не встречаем: *Hujus autem æcclesiæ institutionem Fulco comes sua auctoritate firmavit pluresque boni viri: ipse videlicet Albericus, auctor...*⁶⁹ Можно полагать, что один экземпляр хирографа предназначался преемникам упомянутых каноников, а другой — названному аббатству Св. Флоренция, так как последнее было тесно связано с наследниками Фулька III, графа Анжуйского. Позднее письменное удостоверение договора по прошествии, возможно, значительного времени после его заключения делало не только невозможным, но в известном смысле излишним скрепление его чьими-либо подписями. Зато писец, написавший документ, прямо называет свое имя: *Hubertus scripsit*.

Наряду с этим документом отметим еще три примера, где невозможно сказать, были ли хирографы снабжены собственноручными

⁶⁸ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte3451/> ; Chartes de l'abbaye de Saint-Florent. Nr. 7, p. 16–18.

⁶⁹ Ibid. Nr. 7, p. 17–18: *Hujus autem æcclesiæ institutionem Fulco comes sua auctoritate firmavit pluresque boni viri: ipse videlicet Albericus, auctor, cum Milesende uxore sua et filiis eorum Goffredo et Petro, Goffredus filius comitis Fulconis, qui adhuc puer erat, Isembertus Pictavensis episcopus, Garinus de Fonteniis, Fulco ejus filiaster, Elinannus de Cinomanne, qui tunc suam gardam in castro Lausduno faciebat, Alo Silvanus, Girorius filius Goscelini, Ugo villicus, Aimericus de Faia et omnes vavassores ipsius castelli.*

знаками или имитацией подписей, или же таковые в них вообще отсутствовали. Все три документа дошли до нас в составе картулярия монастыря Сен-Жан д'Анжели и датируются 80-ми гг. XI в. К сожалению, мы не располагаем ни воспроизведениями оригиналов, ни замечаниями издателя относительно формы хирографов и разделявших их девизов. Между тем лаконичное и однотипное окончание их текста, где говорится, что грамота представляет собой часть хирографа, позволяет допустить ту возможность, что писец картулярия подверг некоторой редактуре текст оригинала с сопутствующими сокращениями.

Два из названных хирографов содержат соглашение относительно спорного имущества, достигнутое на основе судебного решения. В обоих случаях имущество было возвращено полностью монастырю, но монастырь наделил другую сторону частью имущественных прав на новых условиях, иными словами, здесь, как и в других условиях, речь идет о новом распределении имущественных прав.

Так, согласно хирографу, составленному ок. 1082 г., Гиреберт, прево монастыря Сен-Жан д'Анжели, удерживал за собой владение в Фолатьер (Folateria) как свой феодал, унаследованный от отца, но, отказавшись поочередно от судебного поединка и испытания кипятком, вынужден был признать права аббатства и отдать ему этот феодал⁷⁰. По ходатайству ряда влиятельных людей, в частности приора монастыря Аускульфа (Ausculphus), аббат Оддон пообещал пожаловать ему, однако, в качестве феодала от монастыря печь в Фолатьер, землю возле его дома, с которой собиралось два сета зерна, и огород⁷¹, а кроме того, согласился наделить его правами прево, поставленного монастырем. И все это составляло треть от имущества, явившегося предметом спора, причем сначала Гиреберт вместе с сыновьями отдал все это спорное имущество аббату в капитуле, а затем в капитуле же ради мира и сердечного согласия (*pro pace ac concordia*), связав себя узами верности (*sua fide*), принял пожалования аббата на условиях последнего и при согласии каноников. В заключение сказано односложно, что договор «был подтвержден» (*hec confirmata sunt*) в капитуле в День апостола и евангелиста Иоанна Богослова. Как это вообще свойственно хирографам Сен-Жан д'Анжели, составитель особо обращает внимание читателя на то, что грамота, засвидетельствовавшая это дело, была сделана «двойной» на одном листе пергамента и, когда она была разделена посередине, одна часть от нее уже была дана Гиреберту, другая же должна быть передана мона-

⁷⁰ Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. I. Nr. 50, p. 78–79.

⁷¹ Ibid. Nr. 50, p. 78.

стырю: *Sciendum quoque est quod duplex carta facta est de hac re, in uno pargameno, qua divisa per medium, altera data est Gilberto de Folateria, altera reddenda est monasterio*⁷².

Подобное же решение сходного спора засвидетельствовано хирографом того же монастыря, составленным ок. 1083 г. За грубые обиды, нанесенные монастырю Св. Иоанна, суд присудил Геральда Коронелля к лишению всего его имущества, зависимого от сеньориальной власти монастыря, будь оно получено от отца, брата или приобретено им самим в виде феода или путем покупки, или же перешло к нему в подобном же статусе от тестя или жены⁷³. По ходатайству ряда лиц, прежде всего по совету уже знакомого нам приора Аускульфа, аббат монастыря Св. Иоанна Оддон проявил милость к Геральду и уступил ему половину всего имущества, которого тот был лишен по правому суду, а кроме того, оставил целиком за ним кушленный им дом, два огорода и еще некоторое имущество, но обязал его платить за дом и другое оставленное в его владении имущество ежегодный ценз в знак зависимости от монастыря. Как и в копии предыдущего хирографа односложно с применением термина, который едва ли применялся в средние века, сообщается, что Геральд с сыновьями скрепил грамоту в капитуле (*Carta autem hæc authorisata est in capitulo*) и, связав себя узами верности (*sua fide*), обещал впредь не добиваться второй половины изъятого у него имущества. Копия хирографа в опубликованном картулярии завершается списком свидетелей и точно таким же сообщением об изготовлении «двойной грамоты» и последующей передаче одной ее части Геральду, и об оставленной на хранение в монастыре второй ее части: *Sciendum quoque est quod duplex carta est de hac re, in uno pargameno (sic!), quæ divisa per medium, altera data est Geraldo Caronello, altera retenta est in monasterio*⁷⁴.

Хирографом, составленным ок. 1089 г., засвидетельствован договор монастыря с мельником Констанцием и его пасынком Аймериком⁷⁵. Согласно договору, Констанций и Аймерик построят во владениях монастыря мельницу в Тальмон, причем две трети доходов от мельницы будут идти монастырю, а одна треть — мельнику и его пасынку. Констанций выразил при этом волю, чтобы после смерти

⁷² *Ibid.* Nr. 50, p. 79.

⁷³ *Ibid.* Nr. 51, p. 79–80.

⁷⁴ *Ibid.* Nr. 51, p. 80.

⁷⁵ *Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. II / ed. G. Musset // Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis. Paris ; Saintes, 1903. T. XXXIII (далее: Cartulaire de Saint-Jean d'Angély. T. II). Nr. 452, p. 114–115.*

его доля перешла монастырю, однако с условием, что он будет принят в монахи, если пожелает таковым стать, причем в монастырь могут быть приняты и его близкие, которых он сам выберет. Его пасынок Аймерик, который, несомненно, тоже должен был вложить имеющиеся у него средства в строительство мельницы, в свою очередь даровал монастырю свою долю из названной трети доходов, так чтобы она перешла во владение монастыря после смерти Аймерика, если на тот момент не будет в живых его матери, за которой оставалось имущество, определенное тем же договором. Оговаривается условие, что все трое должны быть достойно погребены братией монастыря. Как и в копиях предыдущих двух хирографов, текст документа заканчивается списком свидетелей и лаконичным сообщением о том, что подобная же грамота была вручена Констанцию, как и о том, что обе грамоты получились путем разрезания одного листа пергамента и первоначально их соединяло некоторое изображение: *Sciant posterī nostri quod similis carta data est Constantio, molendinario, continens similia huic, unde scisa est pictura que jungebat utramque, partita est utrique*⁷⁶. Отличается эта грамота от двух предыдущих лишь тем, что в ней нет даже краткого упоминания о подтверждении договора Константином и Аймериком, при котором грамота могла быть скреплена собственноручным их знаком или в силу которого в текст грамоты могла быть включена имитация подписей этих лиц, как и представителей монастыря. Сами доходы с мельницы, о которых говорится в грамоте, были лишь ожидаемыми, и, возможно, особые гарантии с обеих сторон представлялись преждевременными. Тем не менее будет лишь простым допущением думать, что в этом хирографе могли отсутствовать необходимые знаки валидации.

Что касается хирографов первой половины XII в., составленных в Пуату и Сентонже, то пять из них, т. е. половина, не содержат указания на подписи. Однако следует отметить известную условность этих подсчетов, поскольку ввиду хронологических данных не исключено, что одну грамоту следует отнести еще к XI в., а две — уже ко второй половине XII в.

Несомненный пример хирографа без дополнительных знаков валидации представляет дошедшая до нас в подлинном виде грамота капитула церкви Св. Илария в Пуатье, составленная в период между 1096 и 1120 гг.⁷⁷ В ее нижней части мы видим обрезанный снизу девиз

⁷⁶ Ibid. Nr. 452, p. 115.

⁷⁷ Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 109, p. 120.

SANCTI SPIRITUS ADSIT NOBIS GRATIA. Грамотой удостоверяется договор между монахами бургундского аббатства Св. Лаврентия и Св. Илария и двумя братьями, Гвильгельмом и Эрбертом, племянниками Леодегария, архиепископа Буржа⁷⁸. При его посредничестве (*interventu*) и по его просьбе (*supplicii rogatu*) монахи уступили его племянникам права на виноградники, расположенные около Пуатье, с тем условием, что после смерти новых владельцев имущество вернется церкви. В качестве благодарности за свое пожалование (*hujus rei gratia*) монахи получили полторы марки серебра. Аббатство Св. Лаврентия и Св. Илария зависело от церкви Св. Илария в Пуатье, поэтому неудивительно, что один экземпляр остался у каноников церкви Пуатье. Хирограф не получил дополнительных знаков валидации, если судить по сохранившейся верхней его части, по той причине, что права новых владельцев были обеспечены выплатой денег и высоким церковным саном их родственника, а соблюдение прав аббатства Свв. Лаврентия и Илария было надежно гарантировано патронатом над ним со стороны капитула Св. Илария, ведущего в Пуатье церковного учреждения, и дело было оформлено без лишних забот для вовлеченных в него сторон.

Столь же очевидно отсутствие собственноручных знаков главных действующих лиц договоров, посредников или свидетелей, как и отсутствие имитации подписей, в четырех других документах, изданных, за исключением одного, по сохранившимся оригиналам. Примечательно, что в трех из них обычный спор об имущественных правах заканчивается особым полюбовным соглашением, именуемым *concordia*, которым устанавливалось не только определенное разделение имущественных прав, но и более близкая связь между договаривающимися сторонами, характерная в особенности для отношений в тот период между духовным учреждениями, что не исключало, как увидим ниже, и возможность отношений в этой форме между духовным учреждением и влиятельными светскими лицами.

Таков дошедший в копии хирограф 1125 г. аббатства Сен-Совер в Шарру (располагалось в полусотне километров к югу от Пуатье)⁷⁹. Грамотой удостоверяется договор, заключенный между монахами Сен-Совер, с одной стороны, и аббатства Девы Марии в Алье (*Alleuds*) — с другой. Последнее нам известно уже по хирографу 1136 г. капитула Св. Илария, которым в свою очередь устанавливались отношения «сердечного согласия» между этим капитулом и аббат-

⁷⁸ URL: <http://www.cn-telma.fr//originaux/charte1376/>

⁷⁹ Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Charroux / ed. D. P. de Monsabert // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1910. Т. 39. Nr. 35, p. 141–142.

ством Девы Марии в Алье при посредничестве епископа Шартра (см. с. 61). Там епископ-посредник, исполнявший роль папского легата, скрепил хирограф своей печатью и, вероятно, собственноручным знаком. Здесь же полюбовное соглашение было достигнуто при посредничестве епископа Пуатье Гвильгельма Аделельма, о котором, однако, лишь сказано, что он вместе с другими лицами присутствовал при разрешении спора, но едва ли он дождался момента, когда были написаны экземпляры хирографа. Возможно, ввиду отсутствия каких-либо знаков валидации от епископа-посредника составитель хирографа ограничился простым перечнем других свидетелей в конце документа, даже не попытавшись включить в текст имитацию их подписей. Особые отношения «сердечного согласия» наряду с возможностью аутентификации разделенного на две части документа служили, очевидно, достаточной гарантией соблюдения договора. По условиям этого договора, монахи аббатства Девы Марии должны владеть вышеназванной землей (*terram pretextatam*) и всем, что на ней есть или было, в то время как монахи Сен-Совер удерживают за собой право на десятину и символический ежегодный ценз в четыре денария анжуйской монетой, причем монахам аббатства Девы Марии запрещалось возводить на этой земле церковь или капеллу (*oratorium*) без разрешения капитула Сен-Совер.

Хирограф аббатства Св. Флоренция, составленный ок. 1140 г. и опубликованный по сохранившемуся оригиналу, засвидетельствовал достижение «сердечного согласия» в решении спора, длившегося с давнего времени (*vetus querela diutius retracta*) между монахами названного аббатства и двумя рыцарями, несшими службу в замке Онэ (*Onacus*, ныне *Aulnay*⁸⁰, примерно в 130 км к юго-западу от аббатства Св. Флоренция и примерно в 120 км к юго-юго-западу от Пуатье): Петром из Маркаукана (*de Marcauchana*) и Арбертом Боз (*Arbertum Bosum*)⁸¹. В противоположность большинству засвидетельствованных в документах договоров о разрешении спора монастыря с некими рыцарями мы сталкиваемся здесь с существенными уступками со стороны монахов аббатства Св. Флоренция, что прямо выразил составитель документа: *de suo jure eis partem aliquam concesserunt*. Это становится вполне объяснимым, если принять во внимание, что сеньором рыцарей был влиятельный виконт, а кроме того, в Онэ, через который проходил известный паломнический путь, в то время была

⁸⁰ В Оне, находившемся на известной паломнической дороге, до сих пор сохраняется замечательная церковь XII в., принадлежавшая в то время и вплоть до 1790 г. капитулу кафедрального собора Пуатье.

⁸¹ *Chartes de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur*. Nr. 96, p. 134–135.

выстроена роскошная по своему архитектурному убранству церковь, сохранившаяся до наших дней, которая в то время, как и в дальнейшем, вплоть до 1790 г., принадлежала капитулу кафедрального собора Пуатье, владения же, ставшие предметом спора, располагались, как удаётся установить, не далее 10 км от Онэ в юго-западном направлении.

Аббат Матфей (Matheus), приор Стефан и другие представители монастыря передали права на половину манса *Mali Candidi*, в то время как раньше рыцари владели всего лишь четвертью этого манса (cum predicti milites nichil antea in masso illo nisi quartam partem possidissent), удержав, однако, целиком за монастырем построенные там дома и огороды, за исключением одного огорода и права постоя для одного человека. Помимо этого монахи уступили рыцарям права на два огорода (ortos) в другой местности (*Vivariis*), право на получение дохода от шестой части земли и лугов близ Луаре-сюр-Ни (apud Lauriacum, ныне Loiré-sur-Nie) и т. д. После этих уступок со стороны монастыря рыцари в присутствии виконта Онэ (vicocomitis Oenacensis), Гвиллельма Аманерия, отказались выдвигать далее свои притязания, поклявшись верою: His ita concessis, omnem calumniam et inquietationem, sub juramento fidei, milites predicti finierunt. Текст хирографа завершается перечислением свидетелей договора, в котором первым назван виконт Онэ (Aulnay) Гвиллельм Аманерий.

После столь полного удовлетворения требований рыцарей монахи, очевидно, были мало озабочены тем, чтобы документ был скреплен дополнительными знаками валидации, а рыцари, для которых собиранье семейного архива было делом сравнительно новым, довольствовались тем, что им был выдан второй экземпляр грамоты, в котором были перечислены свидетели совершенного и подлинность которого можно было доказать. Вместе с тем можно думать, что в то время уже уходило в прошлое представление о хирографе как документе, скрепленном собственноручными знаками заинтересованных сторон или их представителей. Такое предположение с еще большим основанием можно отнести к следующему документу, датируемому в широких пределах с 1147 по 1182 г.

Речь о хранящихся в Архиве департамента Вьенна двух экземплярах хирографа, засвидетельствовавшего решение спора и достижение «сердечного согласия» между монахами монастыря Св. Юниана и монахами вышеупомянутого аббатства Девы Марии в Лез Алье (см. с. 61 и далее) по поводу владельческих прав в местечке Шене (Chenetus, совр. Chenay, примерно в 42 км к юго-западу от Пуатье и в 21 км к северу от Лез Алье)⁸². Хирограф не имеет четкой дати-

⁸² Chartes de l'abbaye de Nouaillé. Nr. 210, p. 326–328.

ровки и мог быть составлен в период с 1147 по 1182 г., так что мы лишь с известной долей условности относим его к первой половине XII столетия. Согласно тексту грамоты, монахи Св. Юниана уступили дома, усадьбы, огороды и мелкий скот с надлежащим кормом для него, четыре четверти доходов с виноградников и капеллу, где могли бы совершать мессу два или три монаха. В свою очередь во избежание дальнейшего оспаривания прав (*calumpnia*) со стороны монахов Св. Юниана монахи аббатства Девы Марии обязались выплачивать ежегодный ценз в размере пяти солидов анжуйской монетой⁸³.

Хирограф получил девиз в виде ряда букв от А до Х. В конце документа дан сначала перечень тех, с чьим участием был заключен договор и установлено «сердечное согласие»⁸⁴, а затем указывается, что соглашение было подтверждено в капитуле монастыря Св. Юниана, и перечислены лица, участвовавшие в этом подтверждении, причем отдельно названы те, кто изучил договор, и сами владения, о которых шла речь: *qui hec inquirebant et supradicti loci inventores fuerunt*. Издатель документа в свою очередь сообщает, что оба экземпляра хирографа имели печати, но утратили их. Очевидно, своими печатями скрепили хирограф те лица, которые участвовали в подтверждении договора и, несомненно, в удостоверении самого документа. Остается только сожалеть, что издатель не сообщает, от какого числа печатей остались прорезы на каждом экземпляре. Таким образом, о рассматриваемом хирографе нельзя сказать, что он лишен дополнительных знаков валидации, но прежний собственноручный знак или его имитацию здесь сменил новый способ удостоверения документов, который получил широкое распространение в Северной и отчасти Центральной Франции во второй половине XII столетия.

В заключение приведем еще один пример, который может быть отнесен к верхнему пределу рассматриваемого хронологического периода. Хирограф, датируемый примерно 1150 г. (приблизительная дата составления документа определена издателем, Луи Реде, по особенностям письма), происходит из капитула Св. Илария⁸⁵. Согласно этому документу, Уго, каноник церкви Св. Илария в Пуатье, исполняющий обязанности прево одного владения, расположенного в Бургундии, в округе Осера (*terre que in Burgundia*

⁸³ Ibid. Nr. 210, p. 327.

⁸⁴ Ibid. Nr. 210, p. 327: *Hec pactio et ista concordia prius facta est a dompno Rotberto venerabili valde viro atque abbate Nobiliacensi, ac fratre Ademaro Allodiensi ac dompno Reinaudo priore Mairiacensi apud eundum vicum, videlicet Mairiacum.*

⁸⁵ Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 134, p. 153–154.

sita est, in pago videlicet Autissiodorensi, que Centemesia vocatur, prepositus), передал феодал, зависящий от этого владения, рыцарю Гауфриду и принял от него оммаж. Гауфрид обязан выплачивать ценз в размере 11 солидов в марте месяце и в том же месяце принимать каноника Уго вместе с четырьмя его спутниками⁸⁶. Хирограф не снабжен никакими дополнительными знаками верификации помимо девиза, который составляет слово CIROGRAPHUM. Можно предположить, что сам обряд принесения оммажа играл решающую роль в удостоверении договора, сам по себе он не требовал даже документального удостоверения, так что в рассматриваемом случае не было особой потребности в дополнительных знаках валидации хирографа. Заслуживает между тем внимания тот факт, что традиционный акт инвеституры, сопровождавшийся оммажем, каноники Сент-Илер и Гауфрид пожелали засвидетельствовать посредством хирографа в упрощенном варианте, как одного из общедоступных видов документа.

Некоторые общие наблюдения над хирографами XI–XII вв. Пуату и Сентонжа

Как мы видим, заявления о собственной подписи, выраженные в форме первого лица согласно восходящей к поздней античности традиции и снабженные собственноручным знаком, встречаются в хирографах Пуату и Сентонжа лишь в единичных случаях. Как привило, такого рода записи и сопровождающие их знаки принадлежат одному, наиболее важному действующему лицу, названному в документе⁸⁷. Среди довольно многочисленных хирографов капитула Св. Илария лишь один документ, составленный в 1136 г., содержит интересующую нас запись, но она, как мы видели (см. выше с. 61), относится к важному посреднику в деле достижения согласия о разделе спорных имущественных прав между канониками капитула Св. Илария и монахами монастыря Девы Марии в Лез Алье, а именно к епископу Шартрскому Гауфриду, наделенному полномочиями папского легата.

Между тем за вычетом некоторых хирографов, которые в целом можно отнести уже к XII в., где форма документа была продиктована особыми обстоятельствами, хирографы, происходящие из разных

⁸⁶ Ibid. Nr. 134, p. 154.

⁸⁷ См. два примера из грамот монастыря Св. Юниана на с. 47–49, относящиеся один к 1040–1078 гг., а другой к 1078 г.; ср. хирограф того же происхождения, написанный между 1077 и 1092 гг., на с. 50. Еще один пример представляет хирограф 1121 г. аббатства Св. Флоренция (с. 60).

церковных центров, показывают, что их составители продолжали упорно включать в текст документа имитацию подписей. Похоже, рассмотренный материал в полной мере подтверждает предположение Трузена об исходной функциональной связи надписи, по линии которой разделялись два экземпляра хирографа, с подписями в тексте. Как мы помним, Трузен высказал мысль, что эта надпись в англосаксонских хирографах указывала, собственно, на то, что в тексте документа есть собственноручные подписи. Ввиду больших затруднений в деле оформления настоящих подписей последние, как видно, стали заменяться их имитацией, так что ко времени начального распространения хирографов во французских землях это стало уже правилом.

Показательно, что, за исключение одного весьма позднего примера, относящегося уже к 1198 г.⁸⁸, все примеры документов, где нам удалось встретить понятие *chirographum* в основном тексте документов, рассматриваемой исторической области относят это понятие именно к строке с надписью, по которой были разделены два экземпляра хирографа. Примеры эти столь красноречивы, что стоит привести их здесь в полном составе:

1) Hoc autem totum **sub hujus cirographi auctoritate** obnixе firmare procuravi, uti testimonii gracia alteram hujus **carte scisse** partem Romani canonici Sancti Petri, alteram vero habeant Pictavenses canonici Sancti Nicholai (St-Nicolas, 1058–1068)⁸⁹.

2) Inter hæc autem sciendum quia, antequam hæc carta **per cyrographum inter utrosque partiretur**... (St-Hilaire, 1136).

3) (...) Sigilli quoque nostri munitionem et sigilli beati Hylarii et sigilli Guilelmi abbatis de Pino chartis **per cirographum sectis** apposuerunt (St-Hilaire, 1148–1154).

4) Et ut pactio hec firma et inconvulsa permaneant, **cum cyrographo est scripta**, et unaqueque pars duplo sigillo utriusque videlicet ecclesie est munita (St-Hilaire, 1155).

5) (...) Cartam istam **per cirografum mecum divisam** predictæ ecclesie fieri feci (St-Hilaire, 1161).

6) Statuimus ut **utraque charta per cyrographum divisa** eadem continens utriusque ecclesie sigillo roboretur (St-Hilaire, 1161).

7) (...) Voluerunt fieri scriptum commune super eodem facto **divisum per cirographum** (St-Hilaire, 1172)⁹⁰.

⁸⁸ Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 182, p. 211.

⁸⁹ Cartulaire du prieuré de Saint-Nicolas de Poitiers. Nr. 5, p.13.

⁹⁰ Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers. Nr. 118, p. 134; Nr. 135, p. 155; Nr. 139, p. 160; Nr. 145, p. 165; Nr. 147, p. 171; Nr. 154, p. 182.

8) *Hec quarta sub cyrografo facta est* (St-Laon, 1185–1188)⁹¹.

9) (...) *Placuit partibus hanc cartam per cyrographum divisam sigillo beati Hylarii et sigillo ecclesie Fontis Ebraudi roborari* (St-Hilaire, 1186)⁹².

В свете этих примеров закономерным представляется и использование самого слова *chirographum* преимущественно в его средневековом написании *cirographum* в качестве девиза или части такового.

Приведем обнаруженные примеры в хронологическом порядке:

Saint-Junien de Nouaillé, 1078⁹³.

Saint-Hilaire, 1150, 1154, 1163⁹⁴.

Saint-Laon, 1175⁹⁵.

Saint-Hilaire, 1176, 1178, 1186⁹⁶

Примеры из Лангедока и Руссильона

По своему числу и по форме, в которой они дошли до нас, хирографы Лангедока и соседствующего с ним Руссильона могли бы быть сочтены лишь скромным дополнением к материалу, который представляют документы Пуату и Сентонжа. В отличие от последних, до нас не только не дошли оригиналы хирографов из Лангедока от рассматриваемого периода, но не сохранились даже древнейшие копиянные книги — картулярии капитула Свв. Назария и Цельсия в Безье и капитула Св. Стефана в Агде. Мы располагаем лишь копиями обоих картуляриев, выполненными в конце XVIII в., и полагаться на точную передачу всех деталей здесь не приходится. Оригинал руссильонского хирографа, если верить словам его издателя конца XIX в., содержался в департаментском архиве в составе конволюта из руссильонских грамот, но современные исследователи о нем, насколько нам известно, не упоминают.

Более однообразен, если судить по копиям картуляриев, сам формуляр документов, в частности, в том, что касается способов их удостоверения. Так, мы не встречаем здесь личных знаков с предваряющей или сопровождающей их записью в первом лице. В отличие от документов Пуату и Сентонжа, указание на личный

⁹¹ *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars* / ed. H. Imbert. Niort, 1876. Nr. 86, p. 74.

⁹² *Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers*. Nr. 172, p. 199.

⁹³ *Chartes de l'abbaye de Nouaillé*. Nr. 148, p.233.

⁹⁴ *Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers*. Nr. 134, p. 153; Nr. 138, p. 158; Nr. 150, p. 174.

⁹⁵ *Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon*. Nr. 79, p. 68.

⁹⁶ *Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers*. Nr. 157, p. 185; Nr. 163, p. 190; Nr. 171, p. 198.

знак передается, за одним только исключением, всегда полностью написанным словом *signum*, за которым следует имя лица обычно в родительном падеже, но в ряде случаев в аблативе и даже номинативе. Кроме того, на каждый отдельный хирограф приходится в целом меньшее число подписей, в частности, по той причине, что в документах выступает меньшее число свидетелей, которые могли бы оставить свою подпись.

Вместе с тем дело не сводится к такого рода местным отличиям, в документах названного региона можно наблюдать и совершенно особый порядок в применении личных знаков определенными лицами, отчасти обнаруживающий, как представляется, родство с традициями, сложившимися в Италии. Этот особый, отличный от того, что мы наблюдали в хирографах Пуату и Сентонжа, порядок проявлялся в первую очередь в применении общих для нескольких лиц знаков, когда составитель-писец выполнял основной рисунок знака, а те, кому знак этот приписывался в документе, добавляли от себя каждый, скажем, точку, что в оригиналах грамот нашло отражение в ином цвете чернил таких точек, нежели тот, которым выполнен основной рисунок знака⁹⁷.

Кроме того, обычно здесь можно найти прямое указание на лиц, которые пожелали удостоверить факт того или иного договора именно в форме хирографа, причем порою оказывается, что инициатором мог выступать человек, который не являлся главным действующим лицом договора. Для истории средневекового хирографа в целом весьма показательна и следующая особенность лангедокских хирографов. Восприняв пришедший, очевидно, с Севера способ удостоверения подлинности самого документа с помощью разрезания листа пергамента, содержавшего текст двух идентичных грамот, по линии с определенной надписью, составители хирографов в Лангедоке и Руссильоне никогда не применяли сам термин *chirographum*. В этом регионе, где особенно прочными оставались традиции римского права, закрепленные в Бревиарии Алариха, и сохранялось живое соприкосновение с византийской культурой, очевидно, не совсем угасла память о позднеантичном хирографе, отличавшемся в первую очередь простой его заверкой личной подписью, а, по-видимому, отнюдь не способом его изготовления из одного специально вырезанного куска папирусного свитка. Обратимся теперь к конкретным документам.

⁹⁷ За указание на подобные примеры в подлинных каталонских грамотах раннего средневековья выражаем благодарность нашей коллеге А. В. Чирковой.

Примеры из Лангедока и Руссильона XI в.

Из рассматриваемых нами 12 хирографов XI в. только две грамоты происходят из Лангедока и одна — из Руссильона.

Самый ранний обнаруженный нами хирограф датируется временем после 1061 г. и содержится в копии картулярия соборного капитула Безье⁹⁸. Грамотой удостоверяется договор, который с согласия епископа Бернарда заключили между собой Сигарий Саломон и каноники соборной церкви Св. Назария. В заключительной части документа указывается, что он снабжен знаком епископа, который, как сообщает составитель документа, является одновременно и знаком каноников, составивших грамоту и просивших епископа скрепить ее собственноручной подписью: *Signum Bernardi episcopi et canonicorum Sancti Nazarii, qui istam cartam fecerunt et firmari rogaverunt*⁹⁹. Эта формула, выражающая символическое присоединение некоторых лиц, в настоящем случае самих составителей документа, к знаку лица, наделенного особыми полномочиями, проливает свет на целый ряд подобных же примеров, которые мы далее рассмотрим. Она определенно свидетельствует, что и в целом отнесение одного знака к нескольким лицам не было в поздних копиях лангедокских хирографов лишь способом сокращенной передачи содержания документа. Вместе с тем на деле могло быть и так, что составившие названный хирограф каноники сами оформили от имени епископа скреплявший хирограф знак, так что они вправе были сказать, что этот знак принадлежит и им. Тем не менее в приведенной формуле выражено именно правовое понимание такого явления, как общий знак нескольких лиц. Таким образом, мы можем усматривать изначально единый общий знак и в следующем далее указании на знак шести мирян, которые, вероятно, представляли интересы Сигария Саломона¹⁰⁰.

В отношении указания на общий знак более сложный случай представляет второй по времени хирограф XI в. (1085 г.) в копии картулярия капитула Свв. Назария и Цельсия в Безье¹⁰¹. Хирограф удостоверяет договор между Раймундом Гизальфредди (*Raimundus*

⁹⁸ *Cartulaire de Béziers* / ed. J. Rouquette. Paris; Montpellier, 1918 (далее: *Cartulaire de Béziers*). Nr. 72, p. 90–91.

⁹⁹ *Ibid.* Nr. 72, p. 91.

¹⁰⁰ *Ibid.* Nr. 72, p. 91: *Signum Gaucelmi Arnaldi, et Raimundi Ricinini, et Gauberti Aurusa, et Luponi Rainardi, et Willelmi fratris sui, et Petri Gonbaldi.*

¹⁰¹ *Ibid.* Nr. 87, p. 111–112.

Gisalfredi) с одной стороны и епископом Матфредом, архидиаконом Угоном, прево Гилльельмом и прочими канониками капитула кафедральной церкви — с другой. Договором закреплялись условия, на которых Раймунд Гизальфреди выкупал заложенную им церковную десятину в приходе церкви Св. Генезия в Гразано (*ecclesia Sancti Genesi de Grazano*). Этот выкуп был произведен путем уплаты весьма значительной суммы в 250 солидов, т. е. ок. 12,5 ливров, и уступки капитулу ежегодного сбора восьми модиев зерна. Представители капитула обусловили получение десятины различными платежами натурой со стороны Раймунда и возвращением самой десятины во владение названной церкви и священника, который будет там служить, после смерти Раймунда. Богатое владение, которое составляла десятинная, определенным образом свидетельствует о достаточно высоком статусе самого Раймунда.

Согласно тексту, дошедшему в копии, хирограф был скреплен собственноручным знаком самого Раймунда Гизальфреди и знаком Петра Деусде из Гразано. Далее упомянуты знаки епископа Безье, прево и архидьякона кафедральной церкви, за которыми в копии следует указание на общий знак трех членов капитула, причем последний из них сообщает, что это он написал грамоту: *Signum Raimundi Gisalfredi, qui istam cartam fieri fecit atque firmavit. Signum Petri Deusde de Grazano; signum Matfredi episcopi; signum Guillelmi prepositi; signum Ugonis archidiaconi; signum Poncii Bernardi, et Bernnardi Moriceni, et Bernardi Sigarii, qui hoc scripsit*¹⁰². Более высокое в Средиземноморском регионе правовое сознание, как мы видели, породило идею символической причастности разных лиц к одному знаку, но в основе этой идеи лежала все та же потребность в упрощенном оформлении грамоты, потребность в своего рода имитации хотя бы части подписей.

Из общей картины выпадает пример хирографа 1075 г. из руссильонского аббатства Сен-Мартин-дю-Канигу (*Sancti Martini coenobium Kanigonense; Saint-Martin-du-Canigou*)¹⁰³. Документ составлен в виде прямого обращения аббата Петра в форме первого лица, а затем такого же обращения второго участника договора. Хирографом засвидетельствована передача аллода с виноградниками и пахотной землей некоему Реймунду Гаузфреди и ее условия в виде определенных платежей в положенный срок. В знак достигнутого

¹⁰² Ibid. Nr. 87, p. 112.

¹⁰³ Cartulaire roussillonais / ed. B. Alart. Perpignan, 1880. Nr. 58, p. 88.

соглашения (propter ista convenientia) Реймунд в свою очередь подарил аббатству мула стоимостью в три унции, т. е. примерно в 5 солидов, и все свое движимое имущество на случай смерти и своего погребения братией аббатства. Издатель воспроизвел в верхней части хирографа определенный графический знак, а по левому краю слова: Petrus gratia dei abbas. К сожалению, издатель не дает тут лишних пояснений и указывает лишь на то, что публикует документ по оригиналу, так что нам остается лишь догадываться, не служило ли имя аббата девизом хирографа¹⁰⁴. Самое интересное для нас мы находим, однако, в последней фразе документа, где монах и священник Гвифред сообщает о себе в третьем лице, что он написал текст соглашения и подписал его, причем слово «подписал» он передал начальной приставкой sub- и знаком креста как собственноручной подписью: Guifredus monachus vel pbr. qui hec convenientia scripsit et sub† die et anno quo supra. Как показывают другие руссильонские документы, такой способ собственноручной подписи был типичен для тех мест.

Примеры из Лангедока первой половины XII в.

Хирографы без указаний на подписи главных действующих лиц договора

В первую половину XII в. процент лангедокских хирографов, в которых содержатся указания на подписи, остается довольно существенным — из 14 обнаруженных нами документов этого типа такие указания присутствуют в 11 грамотах. Правда, мы не можем с должной определенностью судить о том, какой именно вид получали здесь подписи, являлись ли они собственноручными знаками или же носили условный характер.

В ряде лангедокских хирографов рассматриваемого периода обращает на себя внимание то обстоятельство, что в них отсутствуют указания на подписи главных действующих лиц договора, а о роли лиц, на подписи которых есть указания, ничего не говорится, и о ней можно судить главным образом по косвенным данным. Так, копия хирографа, составленного в 1116 г. при капитуле церкви Св. Стефана в Агде, содержит в конце документа серию

¹⁰⁴ Современными исследователями документальное наследие монастыря исследовалось мало. К сожалению, для нас осталась недоступной статья: *Delcor, Mathias*. Quelques grandes étapes de l'histoire de Saint-Martin du Canigou aux XIe et XIIe siècles (documents et monuments) // *Cahiers de Saint-Michel de Cuxa*. 1981. T. 12. P. 49–77.

указаний на подписи представителей заинтересованных духовных учреждений, а равно и лиц, о которых ничего не сказано в самом тексте грамоты. Договором определялись условия передачи всех доходов от церкви Св. Петра de Prenias Ростаном из Портирань (de Porcairanis, совр. Portiragnes), его супругой Марией и его дочерью Белиссендой в залог епископу Агда Бернарду и кафедральной церкви этого города¹⁰⁵. Было установлено, что отданные в залог имущественные права Ростан и его близкие должны выкупать путем ежегодных платежей в 175 солидов (без малого 8 ливров!) доброй монетой из Мельгей (melgorienses, de Melgueil), а если монета упадет в цене, они должны будут выплачивать дополнительно по ливру, так чтобы получилась сумма в 50 солидов. Сами эти права, однако, Ростан и его близкие передали не прямо епископу, а трем лицам, которые, надо полагать, должны были заступить на место Ростана в качестве вассалов кафедральной церкви и ее капитула, а именно Беренгарию, сеньору Корнейан (de Corneliano, совр. Corneilhan¹⁰⁶), Раймунду де *Розиас* и брату последнего, Маурину. Права последних устанавливались лишь на определенный срок: в документе сказано, что если залог не будет выкуплен при жизни Ростана, то после его смерти названное владение должно быть возвращено кафедральной церкви Агда и епископу.

В опубликованном тексте мы не встречаем указаний на подписи, выполненные епископом, Ростаном, его супругой или дочерью. Отмечен общий знак Беренгария, ризничего церкви Св. Стефана, и Раймунда, капеллана Св. Понтия (Signum Berengarii sacriste de Agatha et Raimundi Sancti Pontii capellani¹⁰⁷). Этих лиц мы встречаем в тексте грамоты, причем сказано, что соглашение было достигнуто при их участии, равно как и Петра Аранфреда, архидиакона Лодева (cum consilio Petri Aranfredi archidiaconi Lutevensis Sedis, et Berengarii sacriste de Agathe, et Raimundi de Sancto Poncio).

¹⁰⁵ Cartulaire de l'Église d'Agde. T. I / ed. J. Rouquette. Montpellier, 1925 (далее: Cartulaire de l'Église d'Agde). Nr. 61, p. 77. Когда большая часть работы была завершена, автору стало известно о существовании новейшего издания картулярия (Le cartulaire du chapitre cathédrale Saint-Étienne d'Agde / Ed. R. Foreville. Paris, 1995). Однако получить это издание в короткий срок оказалось невозможным.

¹⁰⁶ В Корнейан (Cornelianum), который находится в 7 км к северо-северо-западу от Бэзе и в 32 км от Агда, располагался настоящий замок, принадлежавший видному семейству сеньоров. Один из них, тоже Эрменгауд, упоминается под 1247 г. (Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores / ed. L. Delisle. Paris, 1904. T. 24. P. 2. P. 364).

¹⁰⁷ Возможно, имеется в виду церковь Сен-Понс-де-Томье (Sanctus Pontius Tomeriarum).

Далее следует указание на подписи трех лиц, которые не упомянуты в тексте грамоты: это некие Гиральд Кафеллини, Гвиллельм Саломонис из семейства сеньоров Портирань и Эрменгауд Биота из рода сеньоров Корнейан, причем у первых двух указан общий знак¹⁰⁸. Исходя из указания на общее родовое владение Портирань Ростана, главного действующего лица, и Гвиллельма Саломонис, можно предположить их родство, а равно и семейную близость с Гиральдом Кафеллини. Что же касается Эрменгауда Биота из рода сеньоров Корнейан, то, судя по указанию на его общее владение с упомянутым выше Беренгарием, сеньором Корнейан, который вместе с другими лицами получал во временное владение заложенное имущество, то и он не был человеком, чужим для Ростана. Судя по всему, все трое некоторым образом представляли сторону Ростана. В конце опубликованного текста особо отмечено, что документ был разделен по линии, где были выписаны буквы алфавита (едва ли эта фраза входила в текст оригинала).

Из копии второго по времени хирографа капитула церкви Св. Стефана в Агде (составлен в 1117 г.) мы узнаем о передаче епископом Агда Бернардом прав на церковь Св. Виктора (*ipsum corpus ecclesie Sancti Victoris*) двум благочестивым дамам, Эрменгарде и Алдиарде (*duabus devotis mulieribus Ermengarde et Aldiarde nomine*). Епископ разрешает им молиться в церкви и жить при ней (*causa orationis, et quod ibi ducatis bonam vitam*)¹⁰⁹. Церковь эта имела статус капеллы церкви Св. Симеона в селении Пине (Pinet), примерно в 10 км к северу от Агда (*et ipsa ecclesia est capella Sancti Symeonis de Pineto*). В придачу к капелле Эрменгарде и Алдиарде была пожалована одна пеция пахотной земли вблизи церкви, сад возле некоего луга и все, что эти дамы смогут приобрести с ведома епископа и каноников. Скорее всего можно предположить, что эти дамы были наследницами видного в этих местах сеньора, передавшего значительные владельческие права капитулу кафедральной церкви по завещанию или как вклад при вступлении в число каноников, названным же дамам была пожалована часть этих прав на срок их жизни.

Эрменгарда и Алдиарда в договоре играли пассивную роль, и поэтому неудивительно, что в документе отсутствует указание на их подписи. Зато мы находим указание на общий знак трех лиц, статус которых прямо не назвал: Гвиллельм Райнальди, Петр Беренгар и Бернارد Барралль (*Signum Guillelmi Rainaldi, et Petri Berengarii, et Bernardi*

¹⁰⁸ Cartulaire de l'Église d'Agde. Nr. 61, p. 78.

¹⁰⁹ Ibid. Nr. 68, p. 85.

Barral). Ничего не сказано и о роли этих лиц в установлении новых правоотношений, но нетрудно установить их связь с капитулом соборной церкви в Агде исходя из других документов, содержащихся в копии картулярия. В документе 1116 г. Бернард Барраль назван каноником капитула церкви Св. Стефана (при этом в грамоте имеется указание на его подпись)¹¹⁰. Все трое упоминаются в документе, составленном в 1122 г., при этом четко сказано, что они являются канониками капитула соборной церкви Св. Стефана¹¹¹. Петр Беренгар и Бернард Барраль названы в числе каноников капитула церкви Св. Стефана в документе 1134 г.¹¹² Естественно думать, что названные каноники представляли интересы кафедральной церкви Агды, но почти столь же вероятно и то, что кто-то из них был родственником наших дам. К сожалению, пока мы не располагаем материалом для раскрытия возможных родственных связей между названными лицами¹¹³.

В заключение характеристики рассматриваемого хирографа отметим, что и здесь лицо, написавшее его, прямо себя называет: *Petrus*

¹¹⁰ *Ibid.*, Nr. 63, p. 80: *Signum Bernardi Barrali canonici Sancti Stephani.*

¹¹¹ *Ibid.*, Nr. 75, p. 91: *Hoc donum supra scriptum feci ego, jam dictus episcopus, canonicis Sancti Stephani, scilicet Guillelmo Rainaldi, Petro Berengarii, Ermengaudo, Raimundo Raimundo Capellano, Bernardo Barral, Poncio Cacionensi, Petro Guiraldi, Petro caput scole, Guillelmo de Aviaz, Raimundo de Beciano.*

¹¹² *Ibid.*, Nr. 106, p. 122: *Ego Raymundus Agathensis episcopus dono et laudo canonicis Sancti Stephani, Ermengaudo archidiacono, et Raymundo sacriste, et Petro capituli schole, et Petro Berengarii, et Pontio de Cacione, et Bernardo Torole, et Bernardo Barrali, et Petro de Beciano.*

¹¹³ Имя первого персонажа — Гвильгельма Раинальди, по-видимому, должителя, встречается еще в пяти грамотах, содержащихся в копии картулярия. В документе 1078 г. он назван в числе тех, кто поставил свой знак в ряду других лиц (Nr. 35, p. 53). В грамоте 1107 г. он упомянут среди тех, в чьем присутствии был совершен представленный в документе акт, при этом в одном ряду с ним названы все те же Петр Беренгар и Бернард Барраль (Nr. 43, p. 61). В присутствии Гвильгельма Раинальди (вместе с которым упомянут Петр Беренгар) был совершен и акт, сведения о котором дошли до нас в грамоте, составленной между 1098 и 1122 гг. (Nr. 77, p. 94). Еще раз оба этих лица выступают в качестве свидетелей в грамоте 1117 г. (Nr. 67, p. 84). Наконец, 1130 г. датируется завещание некоего Гвильгельма Раинальда, в котором в числе свидетелей упомянуты уже знакомые нам Бернард Барраль и Петр Беренгар (Nr. 95, p. 110–111). Что касается Петра Беренгара, то кроме вышеуказанных случаев он упоминается в качестве свидетеля в завещании, датированном 1108 г. (Nr. 44, p. 62), и в документе, составленном между 1098 и 1122 гг. (Nr. 78, p. 94–95). Третий персонаж — Бернард Барраль — помимо упомянутых случаев фигурирует в качестве свидетеля в двух документах 1110 г. (Nr. 54, p. 72; Nr. 55, p. 73), одном документе 1111 г. (Nr. 56, p. 74) и грамоте 1126 г. (Nr. 90, p. 105).

scripsit. В конце опубликованного текста сказано, что два экземпляра документа были разделены по строке со знаками алфавита: *Nos instrumentum, dividitur per alphabetum.*

Копия хирографа, составленного в 1129 г. при капитуле соборной церкви Свв. Назария и Цельсия в Безье, содержит договор между епископом Безье Бремундом и его вассалом Петром, сеньором селения Серс (*Petrus de Circiis*), о передаче епископальной церкви и епископу двух церквей и принадлежащего им имущества в селениях Рамежан (*ecclesiam de Remigiano*, ныне *Raméjan*) и Серс (*ecclesiam de Circiis*), расположенных вблизи Безье¹¹⁴. Первой из этих церквей Петр владел на правах феода от епископа Бремунда. Что касается второй церкви, в Серсе, то по договору Петр сохранял за собой и своими наследниками право на десятину этой церкви, обязуясь за это ежегодно выплачивать полмодия пшеницы и полмодия ячменя по текущим мерам на рынке. Со своей стороны епископ освобождает Петра, его близких и потомков от вассальной зависимости и выражают волю, чтобы его преемники делали каждый то же самое. Если же кто-либо из них не признает Петра, его близких и наследников свободным от таковой зависимости, то они получают обратно переданное ими кафедральной церкви имущество.

Как и в двух предыдущих документах, в тексте рассматриваемого хирографа не содержится указаний на подписи главных действующих лиц, епископа или Петра, но мы видим здесь общий знак лиц, несомненно, представляющих капитул кафедральной церкви¹¹⁵, и другой общий знак тех лиц, которые явно представляли сторону Петра. Приведем список лиц, к которым отнесен второй знак: *Signum Petri Berengarii de Porcairanicis, et Ermengaudi de Circiis et Guillelmi de Bizano*. Второе из этих лиц, Эрменгауд, несомненно, делило с Петром владельческие права в Серсе, и допустимо думать, что он был его родственником. Названный первым Петр Беренгарий, сеньор Портирань, был близким соседом хозяев Серс, не исключено, что под названием владения третьего лица, Гвиллельма, кроется тоже близко расположенное укрепленное селение, ныне известное как небольшой город Бессан (*Bessan*).

Последний документ особенно примечателен тем, что писец (он же, вероятно, составитель документа) Стефан Сикфреди указывает,

¹¹⁴ *Cartulaire de Béziers*. Nr. 133, p. 183–184.

¹¹⁵ *Ibid.* Nr. 133, p. 184: *Signum Raimundi de Monte rotundo archidiaconi, et Raimundi de Muro vetulo archidiaconi, et Ugonis camerarii, et Bernardi de Teciano, et Matfredi capitis scole.*

что он написал документ по просьбе Петра, сеньора Серс, выступавшего от своего имени и имени своих близких: *Pro se et suis a Petro de Circiis rogatus, Stephanus Sicfredi scripsit*. Подобные заключительные фразы мы встречаем и в ряде других документов, написанных Стефаном Сикфреди. В позднеантичных равеннских папирусах подобные указания на просьбу главных действующих лиц, где тоже применялось причастие *rogatus*, мы встречаем в особых пространных заявлениях свидетелей, подписывавших документ, тогда как основные действующие лица, дееспособность которых в том или ином отношении была ограничена, лишь чертили кресты¹¹⁶. В раннесредневековой Италии постепенно утверждается и другая важная традиция, с которой можно сблизить рассматриваемые примеры из Лангедока. На примере городов Тосканы X–XI вв. итальянский исследователь Эннио Кортезе представил выразительную картину того, как складывалось в это время устойчивое сословие ученых юристов, которые, выступая в роли составителей документов, нередко называли себя *iudex et notarius*¹¹⁷. Стефан Сикфреди, несомненно, был тем человеком в Безье, кто умел составить самые разные документы и чей авторитет в деле письменных договоров был признан. При отсутствии — в отличие от порядков той же позднеантичной Равенны — государственных институтов, где бы регистрировались частнопроводимые договоры, он выступал уже не как важный свидетель договора, но и олицетворял собой своего рода общественную инстанцию. Вполне возможно, что такие «писцы» могли имитировать чужие «общие» знаки, отсюда был лишь один шаг до замены прежних подписей знаком нотариуса, как это произошло в Италии примерно в середине XII в. и несколько позднее в южнофранцузских городах. Новый институт итальянского нотариата лег там на подготовленную почву. Но обратимся вновь к разбору конкретных форм наших хирографов.

Отсутствие подписей главных действующих лиц можно было бы объяснить тем, что во всех трех рассмотренных примерах одной из сторон договора выступают епископы — в двух первых документах это епископ Агда Бернард Деодат (1098–1122 гг.), в третьем это епископ Безье Бремунд (1128–1152 гг.); епископы же, будучи заняты другими важными делами, обычно делегировали свое право удостоверять подписью документы членам капитула кафедральной церкви. Активной

¹¹⁶ Ср.: *Tjäder, Jan-Olof*. Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700. Uppsala: Almqvist & Wiksells, 1955. S. 306, P. 12, Z. 65, 68, 72 ; S. 324, P. 16, Z. 33, 55 ; S. 348, P. 20, Z. 71 etc.

¹¹⁷ См.: *Cortese Ennio*. *Intorno agli antichi iudices toscani e i caratteri di un ceto medievale* // *Idem*. *Scritti*. Spoleto, 1999. T. I. P. 747–782, особо 753 sqq.

роли действующих лиц другой стороны в удостоверении договора могло послужить препятствием то обстоятельство, что они посчитали неуместным выставлять свои имена, когда за епископа выступали его представители. Но дальнейшие примеры убеждают нас, что дело заключалось отнюдь не только в обычаях епископов Агда и Безье.

Так, копией хирографа 1141 г. соборной церкви Агда засвидетельствован договор без всякого участия епископа. По этому договору Гвикард из рода сеньоров Туруль (Guicardus de Torolla, совр. Tourouille, примерно в 7 км к северо-западу от Агда) и его племянник или внук (nepos) Берtrand передают в залог половину поля (medietas campī), владение которым они делят с Гвиллельмом, сеньором Корнейан (cum Guillelmo de Corneliano), Раймунду из рода сеньоров Сериньян (Raimundus de Sirignano, совр. Serignan, примерно в 10 км к юго-западу от Безье), его супруге и их детям за 20 солидов доброй монетой Безье¹¹⁸. Отданная в залог половина поля будет в пользовании Раймунда и его близких, пока они не снимут с нее три урожая. Оговаривают условия дальнейшего возможного выкупа заложенной земли за те же 20 солидов.

В конце документа мы опять-таки и здесь не находим указаний на знаки главных действующих лиц, но лишь на общий знак некоего Бернарда из рода сеньоров Совьян и родственника или соседа нашего Гвикарда, Бермунда из рода сеньоров Туруль (Signum Bernardi de Salviano et Bermundi de Torolla). Далее отдельно указан знак, как можно думать, важного лица, Петра Гауселини, вероятно, сеньора Портирань (Signum Petri Gaucelini de Porcairanegues). Замыкает этот ряд общий знак еще двух лиц. Составил и написал документ дьякон церкви в Бессан, как он сам сообщает, говоря о себе в третьем лице: Petrus, levita Becianensis, scripsit hanc cartam. В последней строке опубликованного текста сказано, что документ делится по линии со знаками алфавита.

В отличие от рассмотренных уже грамот документ 1146 г., дошедший до нас в копии картулярия капитула соборной церкви в Безье, содержит сделанное на основе ранее составленных документов признание трех лиц, а именно Бернарда, сеньора Кане (Bernardus de Caneto, совр. Canet, примерно в 10 км к северо-западу от Нарбонны), Петра Сигария (Petrus Sigarii) и Раймунда Гарсабальда (Raimundus Garsabaldus) того решения, которое было вынесено на основании их же мнения¹¹⁹ относительно спора между Петром,

¹¹⁸ Cartulaire de l'Église d'Agde. Nr. 119, p. 136.

¹¹⁹ См. предыдущий документ картулярия: Cartulaire de Béziers. Nr. 158, p. 216–219.

сеньором Пепье (Petrus de Popionis, совр. Péricieux, примерно в 30 км к северо-западу от Нарбонны), и его сыновьями, с одной стороны, и Гвиллельмом, сеньором Лавор (Willelmi de Avauro, совр. Lavour, немногим более 20 км к северо-востоку от Тулузы), его братьями и сестрой Эрменгардой, как и ее супругом Петром Сигарии (Petri Sigarii)¹²⁰ — с другой. В грамоте подтверждается собственно часть достигнутого с помощью посредников соглашения, которое отразилось в предыдущем документе картулярия и которое в целом затрагивало раздел наследия Беренгария, сеньора Пюиссергье (Berengarii de Podio Surignano, совр. Puisserguier), и Раймунда Вассаделли (Raimundi Vassadelli)¹²¹. Речь идет о той части соглашения, которая касается передачи Гвиллельму Бернарди, сеньору Лавор, и названным его родственникам зависимых людей, проживающих в Рамежан, со всем, что относится к их мансам и примыкающим к ним (менее значительным) земельным владениям, именуемым *bordarias*, а равно и передачи под их власть тех вассалов, чье имущество находится на участках земли, соседствующей с этими мансами, и в самих «бордариях» (*fevales, qui rem habent in ipsis masatis et bordariis*), а вместе с тем и тот манс, который находится в замке Пюиссергье (*in castello de Podio Surignano*), где проживает Дурант Гаскус и который подарил своей дочери в качестве наследственного имущества Раймунд Вассаделлус.

Если в предыдущем документе, содержащем общий договор между сторонами с участием тех же посредников, к которым там присоединилось еще одно лицо, Беренгарий de Capite Dolio (com. Saint-Nazaire-de-Ladarez), содержалось указание на общий знак этих посредников, удостоверяющий документ, хотя отсутствовали знаки сторон договора, то в рассматриваемом документе полностью отсутствуют знаки, приписываемые упомянутым в основном тексте лицам. Указан общий знак четырех светских свидетелей акта признания ранее достигнутого соглашения и общий знак еще пяти других свидетелей, среди которых упомянут каноник кафедральной церкви Св. Назария Раймунд из рода сеньоров Монпаон (de Monte Paono, совр. Montrapon в деп. Аверон). Очевидно, эти две группы свиде-

¹²⁰ Ibid. Nr. 159, p. 219–220.

¹²¹ Гвиллельм Бернади с родственниками получал по нему не только владение в Рамежан, но и в Бассан, к тому же Петр, сеньор Пепье, должен был выплатить ему 700 солидов доброй монетой из Мельгей, в то же время последний получал замки Пюиссергье и Капстанг (*castellum de Capite Stagno, Capestang*, между Безье и Нарбонной): Ibid. P. 217–218.

телей представляли обе стороны соглашения. Любопытно, однако, заявление составившего и написавшего текст документа Бернарда Сикфреды, несомненно, родственника того Стефана Сикфреды, запись которого с причастием *rogatus* привлекла наше внимание в документе 1129 г. В конце документа, применяя то же причастие *rogatus*, он объявляет, что написал документ по просьбе двух из названных посредников и по просьбе свидетелей: *A Petro Sigario et Raimundo Garsabaldo et testibus rogatus Bernardus Sicfredi scripsit*. В предыдущем же документе он объявлял, что написал его по просьбе самих договаривающихся сторон и одного посредника. Заключает копию хирографа запись о том, что настоящая грамота была отделена от другой (такой же) по линии со знаками алфавита.

Хирографы с указаниями на подписи одной из сторон договора

Подобно рассмотренным пяти документам, исходя из особенностей участия разных лиц в удостоверении документа, можно выделить еще одну группу хирографов, содержащихся в копии картулярия соборного капитула Свв. Назария и Цельсия. В отличие от предыдущей группы, здесь на первый план выступает указание на знак или знаки одной из сторон договора, причем, когда упоминается общий знак свидетелей, он относится к свидетелям именно той стороны, знак которой упомянут в документе. Особенно примечательно то, что выступающий в роли писца во всех трех документах знакомый нам уже Бернард Сикфреды в заключительной клаузуле всех трех документов в качестве лиц, по просьбе которых он документ написал, называет именно действующих лиц той стороны, на знаки которой указано в тексте документа.

Грамотой 1142 г. засвидетельствован договор между канониками капитула Св. Назария и Раймундом Лаурети из Вильнев (*Raimundo Laureti de Villa nova*, совр. *Villeneuve les Béziers*, ныне юго-западное предместье Безье), по которому каноники уступали последнему право на укрепление посредством различных насаждений (*complantum riparie*) прибрежной территории в Вильнев, где располагаются три мельницы, и часть доходов, поступление которых это право обеспечивало¹²². Весь прибыль, который будут давать деревья на берегу, и тот, который будет обеспечиваться сбором древесины в воде, Раймунд должен был делить пополам с канониками. Помимо этого, Раймунд

¹²² *Cartulaire de Béziers*. Nr. 153, p. 208: *ipsum complantum riparie, quam habemus ad Areguam in terminio de Villa nova, sicut molionatum est de tribus molionis in intus versus aquam*. Очевидно, речь шла о мельницах на речке Орб.

обязан был передать четверть от плодов той земли, которая будет возделываться¹²³. Со стороны капитула поименно названы восемь каноников высокого сана, здесь же упомянем лишь имена архидьякона Матфреда и ризничего Гвиллельма Люпониса¹²⁴, так как именно по их просьбе Бернард Сикфреда, как гласит одна из заключительных глосс, «написал» грамоту: *A Matfredo archidiacono et Guillelmo Lupone sacrista rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit*. Этой фразе предшествует указание на общий знак каноников, названных в начале грамоты, теперь, однако, без перечисления их имен, но с особым сообщением о том, что они просили свидетелей договора скрепить грамоту, к сожалению, не сказано, каким именно образом.

Первыми из свидетелей названы братья Петр и Гвиллельм, сеньоры Вильнев, и далее еще три свидетеля, из которых выделяется имя Бернарда, сеньора Сен-Пон-де-Мошьян (*Bernardus de Sancto Poncio*, ныне коммуна *Saint-Pons-de-Mauchiens*, примерно в 36 км к северо-востоку от Безье). В грамоте, однако, отсутствует указание даже на их общий знак. В заключение сказано, что грамота была отделена от другой (такой же) по линии, где были написаны знаки алфавита.

Раймунд Лаурети был состоятельным человеком. Права, которыми наделили его каноники, он мог отчуждать, согласно договору, в пользу других лиц, исключая рыцарей и клириков из своего рода. Похоже, что именно каноники были особенно заинтересованы в том, чтобы договор был засвидетельствован в двух экземплярах хирографа, причем для них большее значение могло иметь предупреждение возможных тяжб на прибрежной территории с богатыми и сильными соседями, нежели забота о строгом соблюдении договора Раймундом и членами его семьи.

Документом 1145 г. (21 января 1144 г. по старому стилю) засвидетельствован договор, заключенный при участии и с одобрения каноников капитула церкви Свв. Назария и Цельсия между родственниками Гвиллельмом Христофором (*Guillelmus Christoforus*) и его супругой Раймундой, с одной стороны, и племянниками Гвиллельма Христофора, братьями Понцием Андреем и Сиринаьном, их супругами Марией и Эрмесиндой, детьми и потомками¹²⁵ — с другой. Со стороны каноников названы два архидьякона, схолярх и мини-

¹²³ *Ibid.* Nr. 153, p. 208–209.

¹²⁴ Приведем здесь полный список представленных каноников: архидьякон Уго из сеньоров Корнейан, архидьякон Матфред, архидьякон Деодат из сеньоров Отиньяк (*de Altiniaco*, совр. *Autignac*), ризничий Гвиллельм Люпонис, Гвиллельм из Безье, Арманд и Раймунд из сеньоров Монпаон и Иоанн Давид.

¹²⁵ *Cartulaire de Béziers*. Nr. 156, p. 213.

стериал Петр Кадерия¹²⁶. По договору Гвильгельм Христофор и его жена передавали названным племянникам всю свою пахотную землю в Ле Тор (Le Thor) в округе городка Serignan (ad Troncianum in terminio de Serignano, ныне Ле Тор входит в коммуны соседнего городка Совиян, расположенного к югу от Безье) в залог с правом пользования в течение десяти лет, по истечении которых супруги могли выкупить землю за ту же сумму, которую они получили от племянников Гвильгельма Христофора, а именно в 330 солидов доброй монетой Безье. Право выкупа сохраняли за собой и сеньоры этого земельного владения, каковыми были каноники кафедральной церкви Безье. В случае, если монета падет в цене, Гвильгельм Христофор и его жена обещали дополнительно выплатить без какой-либо отсрочки 56 солидов чистым серебром. Племянники получали, кроме того, право отчуждать землю, но не в пользу рыцарей или клириков, при этом они должны были выплатить сеньорам полученного в залог владения так называемый форкапиум.

В конце документа указано на общий знак Гвильгельма Христофора и его жены и среди прочего сообщается, что они попросили свидетелей договора скрепить грамоту. За знаком названных супругов следует далее общий знак пяти свидетелей, среди которых мы, однако, не видим духовных лиц, которых можно было бы надежно идентифицировать как представителей капитула. Между тем важные для нас сведения сообщает составитель грамоты и писец Бернад Сикфреди, а именно, что он написал грамоту по просьбе Гвильгельма Христофора и Петра Цекадерия, министерала капитула: *A Guillelmo Christofore et Petro Cecaderia ministrali rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit*. Совершенно очевидно, что Гвильгельм Христофор и капитул были особенно заинтересованы в надежном документальном оформлении договора. Племянники обладали свободной суммой денег, но надо было предупредить самые неожиданные повороты в судьбе переданного им имущества. Неслучайно один из экземпляров хирографа оказался в картулярии капитула, можно предположить, что второй экземпляр получил именно Гвильгельм Христофор, а не его племянники. Заключает грамоту стандартная фраза о том, что грамота эта была отделена от другой (такой же) по линии, где были написаны знаки алфавита.

В отличие от диалогической формы других лангедокских хирографов, документ 1146 г. составлен в первом лице от имени виконта Безье

¹²⁶ Приведем полный их список: архидиакон Уго из рода сеньоров Корнейан (*Ugo de Corneliano arhidiaconus*), архидиакон Матфред, схолярх (*caput scole*) Гвильгельм Люпонис, министерал каноников (*ministralis*) Петр Кадерия (*Ibid.* P. 213).

Раймунда Тренкавелли (в историографии известного как Раймон I Тренкавель)¹²⁷. Между тем сам виконт выступает в действительности заинтересованной стороной договора. Он передает как благочестивый дар во владение каноников церкви Свв. Назария и Цельсия городские ворота с обязанностью следить за порядком их использования, а в пору войны хранить ключ от ворот, который по личному указанию виконта получит один из каноников. Этот дар должен был обеспечить беспрепятственный вход каноников в город и их выход. Но едва ли речь шла лишь о более свободном передвижении каноников, скорее дело заключалось в освобождении их от возможных платежей при ввозе и вывозе грузов, предназначенных для капитула. Нельзя полностью исключать и того, что каноники могли получать в свою пользу и платежи от въезжающих в город. Как бы то ни было, полученная ими привилегия была столь значительна, что каноники выплатили за нее виконту 620 солидов доброй монетой Безье.

Копия документа содержит указание на общий знак матери Раймона — Сесили Прованской — и ее сына Ротгерия (старшего брата Раймона), виконта Каркассона и Альби, известного в историографии как Роже I Тренкавель (*Signum Cecilie vicecomitisse, et filii sui Rotgerii*). Следом за знаком матери и старшего сына следует указание на знак второго сына — виконта Нима Бернарда Атона V Тренкавеля, который выступает тоже в качестве дарителя своей части прав на ворота Безье: *Signum Bernardi Atonis, qui predictum donum similiter donavit, et hanc cartam firmavit*. И только потом следует указание на знак самого Раймона Тренкавеля, причем сообщается, что он попросил свидетелей скрепить грамоту своими знаками: *Signum Raimundi Trencavelli qui hanc cartam firmavit et testes eam firmare rogavit*. Список из пяти владетельных особ, выступающих в роли свидетелей, приведен после указания на общий знак названной виконтессы Сесили и ее сына Ротгерия, но указаний на их знак в копии грамоты нет. Любопытно, что, говоря от своего имени, виконт обратился с просьбой «написать» грамоту все к тому же Бернарду Сикфреди: *A Raimundo Trencavello vicecomite, rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit*. Завершается копия грамоты обычной фразой о том, что грамота отделена от другой (такой же) по линии, где написаны буквы алфавита.

Распоряжение городскими укреплениями и воротами было прерогативой виконта, и, очевидно, представлять каноников как сторону договора было затруднительно. Но инициатива заключенного договора исходила, по всей видимости, от них, и им важно было иметь

¹²⁷ Ibid. Nr. 160, p. 220–221.

надежное документальное свидетельство обретенных ими прав, второй экземпляр в архиве виконта в известной мере охранял их от произвольного пересмотра полученной ими привилегии.

*Хирографы с указаниями на подписи главных действующих лиц
договора*

Только в трех хирографах, содержащихся в копиях картуляриев соборных капитулов Безье и Агда, мы встречаем указания на подписи главных действующих лиц, представляющих обе стороны договора. Но, как увидим ниже, документ может быть составлен так, что требуется порою достаточно тонкий анализ для того, чтобы разглядеть в нем главных действующих лиц.

Хирографом 1120 г. засвидетельствован обмен владениями (*escambium*) между Райнардом Саломонис (*Rainardus Salomonis*) из рода сеньоров Бужан (*de Bojano*, ныне *Voujan-sur-Libron*, примерно в 5 км к северо-востоку от Безье), его сыном Эрменгаудом (*Ermengaudus*), их женами Арсиндис (*Arsindis*) и Нобилией (*Nobilia*) — с одной стороны, и Эрменгаудом, капелланом Нотр-Дам-де-Бадон (*Sancta Maria de Badonas*, совр. *Notre-Dame de Badones*, ныне в предместье Безье того же имени, на пути в Бессан в северо-восточном направлении) — с другой¹²⁸. По этому договору Райнард целиком уступал названному капеллану, отказываясь даже от символической платы, означавшей некоторую зависимость от прежнего владельца, значительный участок земли, размеры которого в копии документа определены весьма своеобразным термином *agulio*¹²⁹. Взамен даруемой ему земли капеллан уступил Райнарду и его близким манс возле церкви Девы Марии, ограниченный с двух сторон феодем родственника Райнарда, Барнарда Саломонис. В усадьбе этого манса жил сам Райнард. Кроме того, Райнард получил и другой манс со всеми относящимися к нему угодьями и ко всему еще — винный погреб напротив входа в церковь. Сам Райнард в дополнение к уступленному им имуществу даровал церкви Девы Марии и ее капеллану церковную десятину с первого из упомянутых мансов.

Грамота содержит указание на общий знак обеих сторон договора с перечислением их имен, начиная с имени капеллана Эрменгауда.

¹²⁸ Ibid. Nr. 120, p. 167–168.

¹²⁹ Отметим, что в знакомом нам по первой из рассмотренных групп документов хирографе 1117 г., где речь идет о дарении капеллы и участка земли двум благочестивым дамам в Пине к северу от Агда, то же слово применено в качестве названия участка: *peciam unam de terra, que vocatur Agulione* (*Cartulaire de l'Église d'Agde*. Nr. 68, p. 85. Ср. с. 78–80).

Обо всех перечисленных при этом знаках сказано, что они поручили написать грамоту, скрепили ее своим знаком и просили свидетелей скрепить ее в свою очередь (*qui hanc cartam scribere mandaverunt, firmaverunt et testes firmare rogaverunt*). Затем указан общий знак шести свидетелей и приведены их имена¹³⁰, причем в начале перечня названы два важных лица: Петр, сеньор Отиньяк (*de Altiniaco*, ныне селение *Autignac* с сохранившимся замком, примерно в 20 км к северу от Безье), и Эрменгауд из уже знакомого нам рода сеньоров Корнейан¹³¹. В конце документа составитель и писец грамоты называет себя, делая это без характерного для «писцов» из семейства Сикфреды указания на специальное обращение к нему участников договора: *Scriptum per manum Emenoni, canonici Sancte Marie*. Очевидно, для каноника церкви Девы Марии, каковым он являлся, было достаточно указания капеллана, а Райнард Саломонис с родственниками присоединился к нему. Грамота составлена от лица Райнарда Саломонис, который о себе и своих родственниках говорит в настоящем времени, а о передаче имущества капелланом Эрменгаудом — в прошедшем.

Как и в копиях других хирографов Лангедока, в последней фразе сообщается, что настоящая грамота отделена от другой (такой же) по линии со знаками алфавита: *Hec carta divisa fuit ab alia per alphabetum*.

Хирограф, составленный в 1128 г. при капитуле церкви Св. Стефана в Агде, удостоверяет соглашение (*convenientia*) между Флоренцией, ее сыном Понцием Марцелли и супругой последнего Белисендой — с одной стороны, и канониками Св. Стефана — с другой¹³². Соглашение это выглядит в грамоте, однако, как одностороннее обязательство Флоренции и ее родственников перед капитулом. На деле речь шла, несомненно, о вступлении названных в права владения феодем (*honor, allodium*) в Пине и его округе (*in Pineto et in ejus terminio*, ныне *Pinet*, примерно в 13 км к северо-востоку от Агда), который они получили по наследству и который, как и их предшественники, они должны были держать от капитула на строго определенных условиях. Собственно соблюдение одного важнейшего условия и было закреплено в этом хирографе: названные лица обязались не отчуждать феоде в пользу никого иного, кроме каноников Св. Стефана, причем за ту же сумму, которую пожелали бы заплатить им другие люди: *propter illud pretium quod alii homines nobis dare voluerint*.

¹³⁰ *Cartulaire de Béziers*. Nr. 120, p. 168: ... *signum Petro d[e] Altiniaco, et Ermengaudo de Corneliano, et Raimundo Andree, filio ejus Andree clerico, et Stephanus Bernardo, et filio ejus Guillelmo clerico.*

¹³¹ *Cartulaire de l'Église d'Agde*. Nr. 61, p. 78. Ср. выше с. 76–78.

¹³² *Ibid.* Nr. 93, p. 107–108.

В конце копии этого документа содержится указание на общий знак Флоренции, Понция и Белиссенды, причем их имена даны в именительном падеже: *Signum Florentia et filius ejus Pontius Marcelli et uxor ejus Belissendis*. Документ составлен от имени этих лиц в настоящем времени, но после указания на их знак о них сообщается уже в третьем лице, что они скрепили грамоту (своим знаком) и попросили свидетелей в свою очередь скрепить ее (соответствующим образом): *hanc cartam firmaverunt et testes firmare rogaverunt*. Вслед за этим идут указания, можно сказать, на целый ряд подписей клириков, где за буквой *S* с точкой следует всякий раз имя опять-таки в именительном падеже¹³³. Такое сокращение нам больше не встречалось в хирографах Лангедока. Применение именительного падежа, тоже достаточно редкое, вызывает вопрос: а не ориентировался ли здесь составитель документа на какой-то старый образец, где содержались настоящие подписи, так что и за *S* с точкой скрывался глагол *subscripsi* или *subscripsit*? Как показывает рассмотренный в начале нашего обзора хирографов Лангедока и Руссильона пример грамоты 1075 г. из аббатства Сен-Мартин-дю-Канигу, применение глагола *subscripsi* или *subscripsit* в качестве прямого указания на подпись в настоящем ее смысле оставалось употребительным по крайней мере в одной из сравнительно недалеких в отношении описываемых мест областей Южной Франции.

Первой в ряду названных подписей стоит подпись ризничего капитула Св. Стефана Раймунда, среди дальнейших шести мы встречаем подпись Бернарда, капеллана церкви в Пине, и Петра, капеллана церкви в Папиран (*Petrus, capellanus Pabirani*), в новое время известной как Сен-Пьер-де-Папиран (*Saint-Pierre-de-Papiran*, ныне на территории коммуны Монблан, примерно в 14 км к северо-западу от Агда). Составитель и писец грамоты называет лишь свое имя: *Guillelmus scripsit*. Завершается переданный в копии текст грамоты фразой о том, что документ этот теперь делится (надвое) по линии со знаками алфавита.

Хирограф 1145 г. из копии картулярия соборной церкви Безье начинается с сообщения о продаже Раймундом из Абельяна (*Raimundus de Abeliano*, совр. *Abeilhan*, примерно в 15 км к северо-западу от Безье) и его женой Бернардой феода Сен-Мишель (*fevum Sancti Michaelis*, ныне *Saint-Michel d'Alajou*, небольшое селение с руинами замка при-

¹³³ *Ibid.* Nr. 93, p. 108: *S. Raimundus sacrista. S. Petrus Betiani. S. Bernardus, capellanus Pineti. S. Pontius Gaucelini Pabirani. S. Guillelmus Austorgi. S. Porcelli. S. Petrus, capellanus Pabirani.*

мерно в 79 км к северо-северо-востоку от Безье), который он и его супруга Бернарда держали от главного кантора капитула Св. Назария (de presentore Sancti Nazarii)¹³⁴. Вырученные за продажу деньги пошли на выкуп мельниц на реке Орб, заложенных ранее Беренгарию из Безье за внушительную сумму в 1500 солидов. Документ, однако, удостоверяет не эту продажу, а договор между Раймундом и его женой, как и ее родственниками, в отношении вдовьей доли (sponsalium), которая входила в проданный феод. Раймунд передает своей супруге в обмен части проданного имущества, составлявшей ее вдовью долю, и в качестве компенсации за нее (per escambium et per emendamentum) все то, что он сам или зависимые от него владельцы имеют на территории Абельян: totum quantum habeo et habere debeo in Abeliano et in totis ejus terminis, et homo vel femina per me. В свою очередь Бернарда объявляет, что в соответствии с мнением и волей (consilio et voluntate) своих братьев, Гвильгельма, сеньора Корнейан, и Понция (братья могли не только выступать защитниками интересов своей сестры, но при определенных обстоятельствах и наследовать имущество, составлявшее вдовью долю)¹³⁵, принимает новые владения и считает себя удовлетворенной (в своих имущественных интересах).

Копия хирографа содержит указание на общий знак договаривающихся сторон, т. е. Раймунда, его супруги Бернарды и двух ее братьев — Гвильгельма, сеньора Корнейан, и Понция: Signum Raimundi de Abeliano, et uxoris sue Bernarde, et Guillelmi de Corneliano, et Poncii fratris sui. За словами о том, что названные лица попросили свидетелей в свою очередь скрепить грамоту своим знаком (testes firmare eam rogaverunt), следует указание на общий знак свидетелей¹³⁶. Первыми среди 13 свидетелей названы каноники, занимавшие высшее положение в капитуле кафедральной церкви Безье: архидьякон и ризничий. Следом упомянут Раймунд из рода сеньоров Монпаон (de Monte Pahono, совр. Montpaon, примерно в 83 км к северу от

¹³⁴ Cartulaire de Béziers. Nr. 154, p. 210.

¹³⁵ Вероятно, не только Гвильгельм, но и его брат Понций, как и сама Бернарда, принадлежали к роду сеньоров Корнейан, представителей которого мы уже встречали в некоторых из рассмотренных нами грамотах, см. выше с. 76–78, 82, 88–89 (Cartulaire de l'Église d'Agde. Nr. 61, p. 78, Cartulaire de Béziers. Nr. 119, p. 136, Nr. 120, p. 168).

¹³⁶ Cartulaire de Béziers. Nr. 154, p. 210: Signum Matfredi archidiaconi Sancti Nazarii, Martini sacriste, et Raimundi de Monte Pahono, Petri Lupi, Petri Raimundi de Maureliano, Guillelmi de Biterris et fratris sui, Petri de Laspiniانو, Guillelmi Guittardi, et Raimundi Escarriani fratris sui. Bligerii, Guillelmi Arnaldi de Columbariis, et Berengarii Coloroni, in quorum presentia predicta Bernarda predictum escambium et emendamentum spontane recepit.

Безье), который, судя по другому документу из того же картулярия, был заметной фигурой в капитуле¹³⁷, и будет нелишним заметить, что владения его рода находились вблизи отчуждаемого Раймундом феода. В списке свидетелей под тем же знаком можно выделить еще двух лиц знатного происхождения: Петра Раймунда из рода сеньоров Морейан (de Aureliano, совр. Maureilhan) и Петра из рода сеньоров Леспиньян (de Laspiniano, совр. Lespignan). Их родовые владения соседствовали с теми, которыми Раймунд наделил свою жену на правах вдовьей доли.

Составителем и писцом грамоты, как и других грамот этого времени из картулярия Безье, выступает знакомый нам Бернард Сикфреди. Как обычно, он оформил текст договора в виде диалога договаривающихся сторон. Самое любопытное заключается в том, кого он указывает в качестве лиц, по чьей просьбе грамота была написана: A Bernardo de Obeliano (sic!) et predicta Bernarda et fratribus suis Guillelmo de Corneliano et Poncio et omnibus testibus rogatus, Bernardus Sicfredi scripsit. Первым назван отнюдь не Раймунд, а, по-видимому, его родственник Бернард, сеньор Абельян. Очевидно, для него было важно оградить свои владения от возможных притязаний новых соседей-владельцев в лице жены Раймунда и ее родственников. Мы вправе предположить, что именно он получил один из экземпляров хирографа. Следом за ним Бернард Сикфреди называет Бернарду и ее братьев, а далее вообще свидетелей. Можно думать, что второй экземпляр хирографа получили каноники капитула церкви Св. Назария, ведь главный кантор капитула оставался сеньором отчуждаемого его вассалом феода. Каноники с помощью свидетелей закрепляли таким образом не только сеньориальные права одного из своих собратьев в отношении отчуждаемого феода, но при случае могли защитить и права Бернарды и ее родственников.

Копия грамоты заканчивается обычной для названного составителя и писца фразой: Эта грамота была отделена от другой (такой же) по линии со знаками алфавита (Hec carta divisa fuit ab alia per alphabetum).

Хирографы из Лангедока без подписи

Только три из 14 лангедокских хирографов первой половины XII в. не содержат указания на собственноручный знак или подпись. Первый по времени документ, составленный в 1109 г., дошел в составе копии картулярия соборной церкви Св. Стефана в Агде и удостоверяет договор между Рикардой, действующей с одобрения своего супруга Петра

¹³⁷ Cf. *ibid.* Nr. CLIII, p. 208.

Гарнерия и Гвиллельмом из рода сеньоров Фабриколь (de Fabricolis, ныне это селение утратило самостоятельное существование и вошло в состав городка Марсейан, Marseillan, примерно в 7,5 км к северо-востоку от Агда¹³⁸), капелланом церковей Св. Михаила и Св. Петра¹³⁹. Рикарда пожаловала Гвиллельму в качестве феода усадьбу в селении Фабриколь, граничащую с одной из сторон с феодем Раймунда, сеньора Фабриколь. Со своей стороны Гвиллельм за это немаловажное пожалование (речь шла о приморском поселении кузнецов и других ремесленников) заплатил Рикарде, а вместе с ней ее супругу и ее детям, как сеньорам этого владения, 20 солидов монетой Безье в качестве так называемого рельефа, выплачиваемого вассалом при вступлении во владение феодем (de assapito), и обязался за себя и своих преемников выплачивать ежегодно Рикарде, ее близким, наследникам и доверенным лицам в качестве установленного обычаем платежа или ценза 16 денье ходячей монетой Безье.

В документе, составленном в первом лице от имени Рикарды, представлены лишь пять свидетелей совершившегося пожалования феода, причем в начале их перечня названы пресвитер Петр Доминик, вероятно, служивший в церкви Свв. Михаила и Петра, и пресвитер Гвиллельм из рода сеньоров Фенуйе (de Finoieto, ср. совр. Fenouillet, в 36 км к западу от Безье, где есть остатки замка). Писец и он же, несомненно, составитель грамоты сообщает, что написал грамоту по просьбе Рикарды и ее супруга: A Ricarda rogatus et a Petro Garnerii, Bartholomeus scripsit. Нам остается думать, что Рикарда и ее супруг, сумевшие собрать лишь относительно скромный круг свидетелей, решили предупредить возможное ущемление своих прав со стороны влиятельного представителя рода сеньоров Фабриколь, заказав второй экземпляр грамоты, но не решились просить Гвиллельма скрепить ее собственноручным знаком.

Текст грамоты в копии картулярия завершается характерной именно для хирографов из названного картулярия фразой о том, что документ делится надвое по линии со знаками алфавита: Hoc instrumentum dividitur per alphabetum.

Второй документ, датированный 1145 г., удостоверяет договор между Радульфом из Мермиан (de Mirmiano, совр. Mermian, примерно в 3,5 км к северо-западу от Агда) и канониками капитула

¹³⁸ См. Hamlin Frank R., Cabrol André. Les noms de lieux du département de l'Hérault: nouveau dictionnaire topographique et étymologique. Montpellier: Lacour, 1988. P. IV, 177.

¹³⁹ Cartulaire de l'Église d'Agde. Nr. 53, p. 70–71.

Св. Стефана¹⁴⁰. Согласно условиям соглашения Радульф передает каноникам в полное владение все права на поле, называемое *de Longa Mala*, северная граница которого обозначена дорогой от Агда до Туруль, иными словами, поле это находилось в нескольких километрах к северо-западу от Агда. В свою очередь каноники отдают Радульфу в держание полосу земли в виде террасы в округе, предположительно Сен-Лорен-де-Ньер (*in terminio Sancti Laurentii*, в новое время *Saint-Laurent-des-Nièvres*, примерно в 63 км к северо-западу от Агда) с обязательством выплаты двух «таск» (*ad duas taschas*, т. е. ежегодного платежа, который должен был по общему правилу составлять 2/11 части урожая с вновь возделываемой земли¹⁴¹).

Кроме того, каноники отдают в держание Радульфу и само названное выше поле, переданное им Радульфом в полное владение. Это поле вместе с третьей частью манса, доставшейся ему от отца, составит целый манс (применен термин *masata*, что заставляет думать о том, что в этом держании не было усадьбы). Со своего держания Радульф должен нести такую же повинность в виде двух «таск» и другие натуральные платежи, отряжая для доставки снопов и молотьбы тягловых животных и людей, а кроме того, уплачивая ежегодно два солида ценза монетой Безье.

Основной текст договора составлен в виде диалога договаривающихся сторон. Он был одобрен в сакристии церкви Св. Стефана и засвидетельствован семью свидетелями, о собственноручных знаках которых ничего не сказано. Можно только предположить, что подобно Рикарде из только что рассмотренной выше грамоты Радульф, сам человек довольно скромного положения, не мог выставить в качестве свидетелей сколько-нибудь видных персон, а потому и его знак на грамоте не соответствовал бы принятой субординации, так что стороны удовлетворились ее удостоверением с помощью характерного для средневековых хирографов приема разделения листа пергамента с двумя экземплярами текста по линии, где были начертаны знаки алфавита, как об этом сказано в самой грамоте: *Nos instrumentum dividitur per alphabetum*. Грамоту составил и написал дьякон церкви Св. Стефана Винценций, по просьбе каноников, Радульфа и всех перечисленных в ней свидетелей: *A canonicis et a Radulfo et ab omnibus testibus supra dictis rogatus, Vincentius diaconus scripsit*.

Третий хирограф, не содержащий указаний на собственноручные знаки, связан своим происхождением и содержанием с соборной церковью Безье. Он составлен в 1148 г. от имени Раймунда Руфа (?),

¹⁴⁰ Ibid. Nr. 122, p. 140–141.

¹⁴¹ *Mediae latinitatis lexicon minus* / Ed. J. F. Niermeyer. Leiden, 1976. P. 1014.

сеньора Мурез (de Mouradino, совр. Mourèze, примерно в 46 км к северо-востоку от Безье), и его братьев, Петра и Арнальда¹⁴². Содержание грамоты определено, однако, как решение спора на основе обоюдного согласия, где второй стороной выступает архидьякон церкви Безье Уго и другие каноники этой церкви, причем выражение воли Раймунда и названных братьев было скреплено наложением руки Бремунда, епископа Безье. Согласно договору Раймунд и его братья отказываются в пользу церкви и каноников от всего, что они «справедливо или несправедливо» имели от десятины, взимаемой с церкви в соседнем селении Вильнев (примерно в 5 км к востоку), а именно от трети этой десятины, как и от всех возможных притязаний на нее. В свою очередь каноники должны были выделять ежегодно из названной десятины Раймунду в течение его жизни 10 сетье пшеницы (*melioris bladi*) и 6 сетье ячменя. После смерти Раймунда каноники могут владеть десятиной без каких-либо обременений (*sine omni opere*).

В наши дни над деревней Мурез можно видеть импозантные руины замка. В отличие от действующих лиц двух предыдущих грамот, от имени которых они составлены, Раймунд и его братья были, несомненно, представителями видного семейства. Никак не менее высокий статус имели и свидетели, выступающие в рассматриваемой грамоте, названные в начале перечня Бернард и Петр Раймунд из рода сеньоров Казуль (de Casulis, совр. Cazouls-les-Bézies, примерно в 5 км к северо-западу от Безье, сохранился замок), таков и Раймунд, сеньор Морейан (de Maureliano, совр. Maureilhan), владения которого раскинулись к югу от владений двух первых свидетелей. Не менее высокий статус имел и балби Безье Раймунд Якоби, имя которого замыкает перечень.

Тем не менее в документе ничего не сказано об их подписях. Возможно, писца и составителя и на этот раз смутило прямое участие в договоре более высокого по положению лица, каким был епископ Безье, а у самих епископов в Лангедоке, как мы уже знаем, не было в обычае оставлять собственную подпись в документах, удостоверяющих имущественные договоры с частными лицами.

Как указано в конце грамоты, грамоту написал некий Григорий по распоряжению Раймунда, сеньора Мурез, и его братьев. Очевидно, Раймунд желал обеспечить себе беспрепятственное поступление означенной выше ренты вне зависимости от смены церковного начальства: *A Raimundo Rufo (?) predicto atque a fratribus ejus Petro et Arnaldo jussus, Gregorius scripsit hanc cartam*. Завершается текст грамоты обязательным для хирографов Лангедока указанием на то,

¹⁴² Cartulaire de Béziers. Nr. 164, p. 225–226.

что настоящая грамота была отделена от другой (такой же) по линии со знаками алфавита: *Nec carta fuit divisa ab alia per alphabetum*.

В документах Лангедока фигура составителя документа постепенно выходит на первый план, можно сказать, что действующие лица договора как будто делегируют ему свои права в деле придания письменному документу доказательной силы. Подобная практика вплотную подводит нас к возникновению южнофранцузского нотариата — теме, которая достойна отдельного обстоятельного исследования.

Общие выводы

Рассмотренные нами комплексы ранних, относящихся преимущественно к XI – первой половине XII в. хирографов из двух исторических областей Франции — Пуату с примыкающим к нему Сентонжем, с одной стороны, и Лангедока — с другой, позволяют сделать тот основной вывод, что в первом из названных регионов новый для того времени тип документа был принят в той форме, в какой он сложился уже к началу X в. в Англии, пусть и на основе ирландских прецедентов. Здесь, как и в Англии, само понятие *chirographum* относилось неизменно к той линии с особой надписью, по которой разделялись два экземпляра хирографа, написанные на одном листе пергамента. Такая, в дальнейшем разделенная, надпись не только служила подтверждением подлинности документа в случае сложения обеих частей хирографа, хранившихся у разных лиц, но и непосредственно указывала на наличие подписей, хотя бы имитирующих подлинную подпись определенных лиц, и в любом случае она служила лишним подтверждением участия этих лиц в договоре и выраженного ими одобрения. В Лангедоке, где, очевидно, сохранялось представление о хирографах как документах в их позднеантичной форме, такое понимание самого слова *chirographum* не было принято. Тем не менее сама форма документа, написанного в двух экземплярах на одном листе пергамента, которые в дальнейшем разделяли по линии с определенной записью, была принята и здесь, поскольку она обеспечивала возможность дополнительной верификации документа. Лангедокские хирографы замечательны и тем, что в них нередко особо называются лица, по просьбе которых документ был составлен именно в такой форме. Что касается разнообразных форм подписей и знаков удостоверения документа, то в лангедокских хирографах можно отметить широкое применение общих для нескольких лиц знаков, а со второй четверти XII в. и особую роль профессиональных составителей документов в удостоверении последних, что проявлялось, в частности, в начертании ими основных элементов общих знаков.

РЕЗЮМЕ

Рассмотренные в статье комплексы ранних, относящихся преимущественно к XI – первой половине XII в. хирографов из двух исторических областей Франции, Пуату с примыкающим к нему Сентонжем, с одной стороны, и Лангедока – с другой, позволяют сделать тот основной вывод, что в первом из названных регионов новый для того времени тип документа был принят в той форме, в какой он сложился уже к началу X в. в Англии, пусть и на основе ирландских precedентов. Здесь, как и в Англии, само понятие *chirographum* относилось неизменно к той линии с особой надписью, по которой разделялись два экземпляра хирографа, написанные на одном листе пергамента. Такая, в дальнейшем разделенная, надпись не только служила подтверждением подлинности документа в случае сложения обеих частей хирографа, хранившихся у разных лиц, но и непосредственно указывала на наличие подписей, хотя бы в виде имитации, определенных лиц, и в любом случае она служила лишним подтверждением участия этих лиц в договоре и выраженного ими одобрения. В Лангедоке, где, очевидно, сохранялось представление о хирографах как документах в их позднеантичной форме, такое понимание самого слова *chirographum* не было принято. Тем не менее сама форма документа, написанного в двух экземплярах на одном листе пергамента, которые в дальнейшем разделялись по линии с определенной записью, была принята и здесь, так как она обеспечивала возможность дополнительной верификации документа.

SUMMARY

The medieval *chirographum* (*charte-partie* in French) as a special type of document had its origin in Ireland and Anglo-Saxon England and then spread across the Continent, their name having been borrowed however from a special Hellenistic and Roman type of documents distinguished by the proper subscription of a debtor. The medieval *chirographum* have been provided with the subscriptions too or their imitation, but contrarily to the ancient *chirographum* its name had been referred to the line with an inscription in the space between two copies written on the same piece of parchment and then cutted through this inscription (*devise* or *légende* in French). The change of the original meaning of the term is to relate to the Irish documentary practice.

Following the supposition expressed by Winfried Trusen, a so conceived *chirographum* verified the signs of actors and witnesses in the inferior part of the principal text of the each copy. The early *chirographa* from Poitou and Saintonge fully confirm this interpretation of the term *chirographum*. The *chartes-partie* from Langedoc do not mention the term in question, probably because the idea of the ancient and byzantine *chirographum* had been alive there. But the instruments in the form of *chirographum* have been welcomed there too.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Хирограф, подпись, имитация, общий знак, удостоверение, идентификация, договор, заказчик, Аквитания, Лангедок.

KEY WORDS

Chirographum, subscription, imitation, common sign, certification, identification, agreement, orderer, Aquitania, Languedoc.

БИБЛИОГРАФИЯ

REFERENCES

Бартошек М. Римское право. М., 1989 (*Bartoshek M.* Rimское pravo. Moskva, 1989).

Дождев Д. В. Римское частное право. М., 2008 (*Dozhdev D. V.* Rimское chastnoe pravo. Moskva, 2008).

Мажуга В. И. Древнейшие грамоты епископов и князей Св. Римской империи в собрании Санкт-Петербургского филиала Института Российской истории // ВИД. 2000. Вып. 27. С. 273–293 (*Mazhuga V. I.* Drevnejshie gramoty episkopov i knyazej Sv. Rimskoj imperii v sobranii Sankt-Peterburgskogo filiala Instituta Rossijskoj istorii // *Vspomogatel'nye istoricheskie discipliny.* 2000. Vyp. 27. S. 273–293).

Муромцев С. А. Гражданское право Древнего Рима. М., 1883 (*Muromcev S. A.* Grazhdanskoje pravo Drevnego Rima. Moskva, 1883).

Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право. М., 2012 (*Noviczkiy I. B., Pereterskiy I. S.* Rimское chastnoe pravo. Moskva, 2012).

Санфилиппо Ч. Курс римского частного права. М., 2008 (*Sanfilippo Ch.* Kurs rimskogo chastnogo prava. Moskva, 2008).

Шамаро П. Ю. Грамоты монастыря св. Максенция в архиве СПбИИ РАН // СВ. 2011. Т. 72, № 3–4. С. 256–279 (*Shamaro P. Yu.* Gramoty monastyrya sv. Maksenciya v arkhive SPbII RAN // *Srednie veka.* 2011. T. 72, N 3–4. S. 256–279).

Bischoff Bernhard. Wendepunkte in der Geschichte der lateinischen Exegese im Frühmittelalter // *Sacris erudiri.* 1954. Vol. 6. S. 189–281.

Bischoff Bernhard. Zur Frühgeschichte des mittelalterlichen Chirographum // *Bischoff Bernhard.* Mittelalterliche Studien. Stuttgart, 1966. Bd. I. S. 118–122.

Bresslau Harry. Handbuch der Urkundenlehre für Deutschland und Italien. Leipzig, 1912. Bd. 1.

Cartulaire de Béziers / ed. Jean Rouquette. Paris ; Montpellier, 1918.

Cartulaire de l'abbaye de Saint-Laon de Thouars / ed. H. Imbert. Niort, 1876.

Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. I / ed. Georges Musset // *Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis.* Paris ; Saintes, 1901. T. XXX.

Cartulaire de l'abbaye royale de Saint-Jean d'Angély. T. II / ed. Georges Musset // *Archives historiques de la Saintonge et de l'Aunis.* Paris ; Saintes, 1903. T. XXXIII.

- Cartulaire de l'Église d'Agde / ed. Julien Rouquette. Montpellier, 1925. T. I.
- Cartulaire du prieuré de Saint-Nicolas de Poitiers / ed. Louis Rédet // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1872. T. 1.
- Cartulaire roussillonnais / ed. Bernard Alart. Perpignan, 1880.
- Cartularium Saxonicum: Collection of Charters / ed. Walter de Gray Birch. London, 1887. V. II.
- Chartes de l'abbaye de Nouaillé de 678 à 1200 / ed. Pierre de Monsabert. Poitiers, 1936.
- Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Charroux / ed. D. Pierre de Monsabert // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1910. T. 39.
- Chartes et documents pour servir à l'histoire de l'abbaye de Saint-Maixent / ed. Alfred Richard // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1886. T. 16.
- Chartes originales antérieures à 1121 conservées en France / Cédric Giraud, Jean-Baptiste Renault et Benoît-Michel Tock (éds.). Nancy : Centre de Médiévistique Jean Schneider; éds électronique: Orléans : Institut de Recherche et d'Histoire des Textes, 2010. URL: <http://www.cn-telma.fr/originaux/index/>
- Chartes poitevines de l'abbaye de Saint-Florent près Saumur / ed. Paul-Alexandre Marchegay // Archives historiques du Poitou. Poitiers, 1873. T. 2.
- Cortese Ennio*. Intorno agli antichi *iudices* toscani e i caratteri di un ceto medievale // *Cortese Ennio*. Scritti. Spoleto, 1999. T. I. P. 747–782.
- Delcor Mathias*. Quelques grandes étapes de l'histoire de Saint-Martin du Canigou aux XIe et XIIe siècles (documents et monuments) // Cahiers de Saint-Michel de Cuxa. 1981. T. 12. P. 49–77.
- Die nichtliterarischen lateinischen Papyri Italiens aus der Zeit 445–700 / von Jan-Olof Tjäder. Uppsala, 1955.
- Documents pour l'histoire de l'église de Saint-Hilaire de Poitiers / ed. Louis Rédet // Mémoires de la société des antiquaires de l'Ouest. Poitiers ; Paris, 1848.
- Giry Arthur*. Manuel de diplomatique. Paris, 1894.
- Hamlin Frank R., Cabrol André*. Les noms de lieux du département de l'Hérault: nouveau dictionnaire topographique et étymologique. Montpellier, 1988.
- Le cartulaire du chapitre cathédrale Saint-Étienne d'Agde / ed. R. Foreville. Paris, 1995.
- Monasterii regalis S. Martini de Campis Paris. Ordinis Cluniacensis historia libris sex partita / P. Martin Marrier. Parisiis, 1636.
- Recueil de chartes et documents de Saint-Martin-des Champs: monastère parisien / ed. Joseph Depoin. Ligugé ; Paris, 1912. T. I.
- Redlich O.* Die Privaturkunden des Mittelalters. München ; Berlin, 1911.
- Rerum Gallicarum et Francicarum scriptores / ed. Léopold Delisle. Paris, 1904. T. 24. P. 2.
- The Chronicle of Croyland Abbey by Ingulph / ed. Walter de Gray Birch. Wisbech, 1883.
- Trusen Winfried*. Chirographum und Teilurkunde im Mittelalter // Archivalische Zeitschrift. 1979. Bd. 75. S. 236–249.